

Миры Артема Каменистого

S-T-I-K-S

Ирэн Рудкевич

Адская Сотня
Стикса

S-T-I-K-S

Ирэн Рудкевич

S-T-I-K-S. Адская Сотня Стикса

«Автор»

2024

Рудкевич И.

S-T-I-K-S. Адская Сотня Стикса / И. Рудкевич — «Автор»,
2024 — (S-T-I-K-S)

Они – псы войны. Бойцы ЧВК «Адская Сотня». Лучшие в мире наёмники, не знавшие поражения. Туман с кислым запахом застал их прямо посреди боя, а когда он рассеялся, мир вокруг стал другим. Он – единственный, кто смог выжить в том бою. Он сделает всё, чтоб и дальше не сдохнуть. Научится жить в этом странном, постоянно меняющемся мире. В этом Пекле для грешников, полном огромных кровожадных тварей. Его позывной – Батя. И он – командир новой «Сотни». «Адской Сотни Стикса».

© Рудкевич И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирэн Рудкевич

S-T-I-K-S. Адская Сотня Стикса

Глава 1

«Где я»?

Голова гудела, словно колокол. Дико хотелось пить. Мысли рассыпались, сознание яростно сопротивлялось пробуждению и пыталось свалиться обратно в темноту.

«Где мои парни»?

Последнее, что он помнил – жестокий бой в предместье столицы непризнанного большей частью мира африканского государства. Треск автоматных выстрелов, хлопки вылетающих из раструбов РГД и РПГ снарядов. Грохот танковых пушек, стрёкот пулемётных очередей. Валяющиеся повсюду обезображенные трупы. Запахи пыли, пороха, крови, разлагающейся плоти и человеческих экскрементов, давно уже ассоциирующиеся со смертью и в то же время привычные настолько, что он давно перестал обращать на них внимание.

Террористы, захватившие одну из крепостей рядом со столицей, сопротивлялись яростно. Их поддерживал американский военный контингент, присланный сюда не допустить восстания народа, желающего независимости от дядюшки Сэма, но псы войны, которым страстно желающие обрести независимость чернокожие заплатили немалую сумму за услуги, тоже были не лыком шиты. Отличная подготовка, великолепное и своевременное обеспечение боеприпасами, слаженность, выучка и идейность делали их практически непобедимыми. Их боялись во всём «цивилизованном» мире, и они с радостью поддерживали этот страх, приходя в самые горячие точки и в очередной раз доказывая собственное превосходство над всеми другими регулярными армиями и частными военными компаниями мира.

Но в этот раз они столкнулись с тем, чему так и не смогли подобрать названия.

«Меня зовут Андрей. Позывной – «Батя», – заставил себя вспомнить он и принялся мерным речитативом проговаривать про себя каждое воспоминание. – Я боец частной военной компании «Адская Сотня», служу уже полтора десятка лет. Меня и мой взвод в количестве двадцати человек отправили в Африку, чтоб поддержать местный переворот и помочь людям обрести независимость. Мы отбили у террористов крепость, освободили заложников, заставили отступить америкосов. Объединились с местными бойцами, перегруппировались. Утром отступившие америкосы попытались отбить крепость обратно, но взять нас врасплох им не удалось. Был бой, мы почти победили. Нам оставалось только дожать янки. А потом появился этот туман. И ещё чем-то кислым завоняло. Может, амеры химоружие применили? С них станется! А потом»...

То, что случилось потом, в голове у Андрея-Бати не укладывалось никак, даже несмотря на многолетний боевой опыт.

«Зомби! Все стали превращаться в зомби! Точно химию распылили, самки собаки, мля! Даже своих не пожалели, лишь бы нас убрать! Устроили, говнюки, локальный зомби-апокалипсис!»

Батя, как и все, временами смотрел всякие блокбастеры вроде «Войны миров Х» или «Приюта зла». И даже считал, что рано или поздно наука сумеет воплотить кошмарную фантазию в реальность. Но он и предположить не мог, что это произойдёт так скоро.

Воняющий кислым туман продержался в воздухе едва ли полчаса, за которые батины бойцы успели ещё раз перегруппироваться и сменить позиции. То же самое сделали и амеры – всё-таки они тоже были не такие дураки, как их принято показывать по телеку. Бой на время стих, а когда распогодилось – вспыхнул с новой силой.

Батя и его бойцы не зря носили на рукавах нашивку со стилизованным изображением поднимающегося в небо демона, вооружённого волнистым мечом. В течение нескольких минут они сумели перехватить инициативу, пошли в атаку, дав растерявшегося от неожиданности противника огнём. Их поддержали местные ополченцы. Победа была близка, линия соприкосновения отодвигалась всё дальше от крепости. И в тот момент, когда Батя готов уже был отдать приказ окончательно дожать амеров, один из его бойцов вдруг заурчал, выронил из рук автомат и скрюченными пальцами вцепился в горло своего напарника.

– Синица, ты охренел, что ли? – заорал тот. – Ты чё, своих с чужими попутал?

Поехавший кукухой боец никак не отреагировал на возмущение. Его, разумеется, оттащили, скрутили, вкололи седативное. Но он оказался лишь первым. А потом начался настоящий ад.

Прямо на глазах Бати его люди один за другим стали превращаться в кровавых чудовищ, пожирающих чужую плоть. Победоносная атака захлебнулась, но амерам, судя по доносившимся с их позиций отчаянным крикам и хаотической стрельбе, тоже было не до противников.

Батя умудрился словить шальную пулю в грудь, да так неудачно, что ему пришлось сразу же колоть себе кровоостанавливающее. Кое-как наложив гемостатическую губку и наложив поверх клеевую повязку, комвзвода попытался организовать оборону с несколькими оставшимися в здравом уме бойцами. Стрелять в своих парням было психологически тяжело, но они справлялись. До тех пор, пока не появились другие твари – уродливые, огромные и намного более голодные, чем те, в которых превратились батины бойцы.

Одну такую тварь, ростом метров под шесть, удалось завалить из танка. Двух поменьше расстреляли из РПГ едва ли не в упор, потеряв при этом сразу пятерых бойцов. А потом Батя оказался лицом к лицу с чудовищем пусть и не таким огромным, как то, первое, но уродливым до того, что даже его, много чего повидавшего в своей жизни командира взвода, бросило в холодный пот от ужаса.

Трёхметрового роста монстр с головой, похожей на слегка смятую с одного бока морскую ракушку, невероятно быстро оказался рядом, взмахнул своими неприлично длинными когтистыми лапищами, и Батя отлетел в сторону так, словно был не мужиком с весьма приличной мышечной массой, а невесомым подростком. Из распоротой бочки хлестнула кровь, перед глазами поплыли чёрные круги.

Уцелевшие бойцы закрыли его собой, оттащили в сторону, вкололи стимулятор, но состояния он не улучшил – Батя, и без того державшийся из последних сил, поплыл от резкой кровопотери.

– Саур, в танк его давай, и пусть Сева валит нахер отсюда, всё равно у него для пушки ничего больше не осталось!

Батя хотел было запротестовать – он никогда не допускал даже мысли, чтоб бросить своих бойцов, а самому выйти из боя. Но вместо слов с губ сорвался только невнятный стон.

– Саур, не тупи!

Батю подхватили под мышки, поволокли к танку, кое-как загрузили внутрь через башенный люк.

– Сева, гони!

– Куда?

– На аэродром, мать твою, куда ещё! Бате срочно врач нужен, долго не протянет. Ну и доложи заодно о хренотени, которая тут творится, а то связь накрылась. Пусть или подмогу пришлют, или покроют чем помощнее к такой-то матери!

– А ты? Остальные?..

– Гони, сказал! Мы прикроем! – резко оборвал Саур.

Сева, водитель-механик, уловив тон, которым это было сказано, покосился на Батю и больше спорить не стал.

– Удачи!

Хлопнул, закрываясь, люк. Танк взревел двигателем, заскрежетал траками, завибрировал всем корпусом, разворачиваясь. Боевая машина не была предназначена для скоростной гонки по пересечёнке, но аэродром, откуда взвод Бати совершил марш-бросок к крепости местных, находился от силы километрах в тридцати отсюда. Так себе расстояние для танка.

Едва удерживаясь в сознании, Батя дрожащей рукой потянулся к висящей на поясе личной аптечке, на ощупь вытащил еще один шприц-тюбик стимулятора, воткнул в бедро. Дождался, пока сознание хоть немного прояснится, попытался сесть и тут же приложился головой обо что-то твёрдое. Сначала решил, что сам не удержал равновесие, и лишь спустя несколько долгих секунд сообразил, что танк просто наехал на какое-то препятствие и остановился.

– Сева... – слабо прохрипел Батя. – Что за...

Услышал в ответ тихое горловое урчание и похолодел. Только этого не хватало!

– Сева, – чуть громче повторил комвзвода. – Сева, очнись, мать твою за ногу! Борись, солдат!

Но механик-водитель больше не был бойцом батиного взвода. Да и человеком в полном смысле этого слова – тоже.

Батя из последних сил попытался сфокусировать взгляд на Севе, но увидел лишь смутную тень, ползущую к нему на четвереньках. Потянулся к ножу, закреплённому в чехле на голени, и с ужасом осознал, что умудрился его где-то потерять.

Тварь, только что ещё бывшая водителем-механиком, урча, навалилась на Батю, потянулась скрюченными пальцами к шее. Командир, матерясь на всех трёх известных ему языках, оттолкнул бывшего механика коленом, но на этом силы закончились. Изорванный бок рвануло нестерпимой болью. Едва удерживаясь в сознании, Батя приготовился умереть, но тут нестерпимо-мерзко заскрежетал металл танковой брони, верхняя часть танка вместе с башней отошла в сторону, а в проёме дыры, проделать которую без применения спецтехники или крупнокалиберного бронебойного снаряда было попросту невозможно, показалась харя вроде той, чьего обладателя они завалили как раз из этого танка.

В урчании Севы послышались испуганные нотки. Он, забыв про обессиленного Батю, попытался отползти в сторону, но когтистая лапа, покрытая пластинами, очень похожими на костяную броню, сграбастала его в кулак и вытянула наружу. Сева заурчал громче, засучил ногами, исчез в дыре и... внезапно замолчал. Батя, воспользовавшись моментом, отполз в сторону, вжался в угол между бортом и сиденьем наводчика, а на то место, где он только что лежал, со смачным шлепком упал окровавленный обрубок человеческой руки.

«Урою!» – зло подумал Батя, шаря руками вокруг себя в поисках хоть чего-нибудь, похожего на оружие.

Он понятия не имел, как собирается урывать ту машину, что только что убила Севу, но твёрдо намеревался хотя бы попытаться выполнить угрозу и отомстить за своего пацана, пусть даже и потерявшего разум.

В проломе вновь показалась харя монструозной твари, но тут откуда-то ударил пулемёт, отвлекая чудовище от танка и его, судя по всему, крайне вкусного содержимого. Тварь недовольно заурчала, и Батя уж было решил, что сейчас она уберётся. И даже успел подумать, что лучше бы она продолжила выковыривать его из танка, не обращая внимания на пытающихся прикрыть собственного командира бойцов... как снова ударился головой, на этот раз – об сиденье. Потом – об стену. И ещё обо что-то – то ли пол, а то ли потолок.

Танк, словно мяч подброшенный уродливыми, невероятно сильными лапами, взлетел в воздух, несколько раз перевернулся и рухнул на землю кверху траками. На этом бой был завершён – по крайней мере, для отключившегося от многочисленных контузий Бати.

В себя он пришёл в пыльной канаве метрах в тридцати от искорёженного танка – видимо, вывалился во время полёта через дыру, проделанную той тварью. Вокруг было тихо, не слышалось ни выстрелов, ни криков, ни урчания.

«Сколько же я пробыл в отключке?»

Точного ответа на этот вопрос у Бати не было, но, судя по тому, что бой стих, можно было предположить, что достаточно долго.

«Почему я до сих пор живой?»

Грудь и разорванный бок давно покрылись коростой засохшей крови. А если точнее, то ею был покрыт весь торс вместе с рваной футболкой цвета хаки и камуфляжной курткой. Батя не обольщался – раны были настолько серьёзные, что без медицинской помощи его шансы стремились к нулю. А если добавить к этому удары головой, то их, этих шансов, не оставалось совсем.

Однако же он каким-то образом выжил. Чувствовал себя, правда, ожидаемо отвратно, едва держался на ногах, а многострадальная голова гудела так, что на этом фоне даже рана в боку казалась ничего не значащей царапиной.

Пошатываясь и каждые несколько минут присаживаясь отдохнуть то на усыпанную гильзами землю, то на обломки пришедшей в негодность техники, Батя обошёл поле боя. Ясности, откуда взялись те твари, так и не появилось. Зато стало понятно, что случилось с его бойцами.

По всему полю боя валялись обглоданные человеческие кости. По большей части – растащенные, но кое-где обнаружились и целые скелеты. Вот по ним-то Батя и попытался хотя бы приблизительно восстановить хронологию событий.

Итак, твари пришли практически сразу после того тумана. Конкретного врага у них не было, нападали они на всех – это Батя понял по обрывкам камуфляжа и частично уцелевшим нашивкам с позывными. Местных ополченцев, а так же их жён и спрятавшихся внутри крепости детей твари тоже не пощадили. Но самым мерзким было то, что твари не просто убивали. Они, судя по следам зубов на костях, жрали своих жертв, причём живьём. Иными словами, вели себя как образцовые зомби из фильмов, хоть и выглядели совсем иначе.

Эта мысль натолкнула Батю на ещё одну.

Тот туман с кислым запахом. После него некоторые бойцы тоже стали вести себя, как зомби, хоть внешне и не поменялись. Могло это быть первой стадией преобразования в тварей?

В науке Батя был не силён, так что для себя решил, что всё возможно. Но тогда вставал другой вопрос – где твари, часть из которых оказалась весьма немаленького размера, прятались до этого? Ведь современные спутниковые системы слежения позволяют просматривать местность в режиме реального времени с потрясающей детализацией. Или, может, просто развитие из только-только заразившегося человека в монстра происходит чрезвычайно быстро? Нет, это как раз вряд ли, из маленькой улитки не вылепить огромного слона, не добавив ей несколько тонн белка. Так же и с людьми – какой бы там не был процесс, но даже на то, чтоб эту массу белка усвоить, потребуется огромное количество времени, не говоря уж о процессе самого роста, т.е. – преобразования питательного вещества в мышечную массу.

Голова, и без того соображавшая очень туго, от напряжённого мыслительного процесса разболелась так, что стало совсем невмоготу. Батя посидел какое-то время, стараясь вообще ни о чём не думать, а потом, собравшись с силами, встал и поковылял в сторону твари, которую в самом начале боя удалось вальнуть танковым снарядом.

Туша оказалась действительно огромной. Около пяти метров в высоту, вся покрытая пластинами, напоминающими броню. Лапы когтистые, голова рогатая, на затылке какой-то прикрытый всё теми же пластинами нарост. Жаль, морду не разглядеть – тварь при падении уткнулась ею в землю так, что буквально закопалась на полметра. Впрочем, и так понятно, что черты «личика» окажутся далеки от миловидности, так что и чёрт с ним.

Ощувив, как накатывает очередная волна слабости и головной боли, Батя снова был вынужден присесть. Вдобавок к и без того паршивому состоянию появилась жажда – видимо, вследствие кровопотери наступило обезвоживание.

Вода! Ему срочно нужна вода. Если не компенсировать потерю влаги, то довольно скоро наступит помутнение сознания, а потом – снижение всех остальных функций организма, и так ввиду ран, а также физической и моральной усталости, работающего на пределе.

Где взять воду, Батя, благо, знал – местность была засушливой, так что внутри крепости всегда хранился запас. Надо только туда добраться, надо, надо...

Закрыв глаза, Батя начал заваливаться на бок. Хорошо, что сидел он прямо на земле – падение вышло почти безопасным. От удара об землю снова взвыл раненый бок, голова взорвалась канонадой сразу пары десятков танковых пушек. Вытерпеть это оказалось Бате не под силу, и он снова отключился.

В себя пришёл уже в сумерках. Некоторое время лежал неподвижно, снова вспоминая, кто он и где находится. Потом прислушивался, справедливо опасаясь возвращения тех тварей или появления других опасностей. И лишь после этого рискнул открыть глаза и попытаться сесть.

Вышло не с первой попытки – самочувствие ухудшилось до предела. Жажда мучила так, что Бате уже слышался звон разбивающихся обо что-то твёрдое капель воды. Умом он понимал – начались галлюцинации, а значит, вода нужна уже просто срочно. Ещё не помешает аптечка, там есть стимуляторы, анальгетики, антисептики, перевязочный материал, моток хирургических ниток и изогнутая стерильная игла. Надеяться на помощь, похоже, не стоит – если никто не явился за то время, что он провёл тут, то уже и не явится. Придётся выживать самостоятельно.

Глюки наступали. Батя помнил, где находится, но перед глазами почему-то вставала совсем другая картина – пригретый солнцем оазис с пальмами и зеркально поблёскивающей гладью голубого прозрачного озера, заключённый между барханами. Зрелище оказалось настолько притягательным, что критическое мышление отключилось моментально. Не отдавая себе отчёта, Батя пополз к озерцу, пальцами загребая горячий песок. Ухватился за ближайшую пальму, подтянулся. Кое-как дополз до озера. И с размаху опустил лицо в манящую прохладой влагу.

Хрустнул, ломаясь, хрящ в носу, из ноздрей хлынула кровь.

– Да твою ж налево! – прохрипел Батя. – Уродство!

Уже рукой потянулся к воде и обнаружил под пальцами твёрдый, бугристый лёд.

Вот же подстава! Чем его пробить?

Зашарил по песку вокруг, сам не зная, на что надеется, и вдруг почувствовал острую боль в пальцах правой руки. Аккуратно сжал их и вытащил... нож. Простой армейский нож с сильно иззубренным лезвием и треснувшей рукояткой с эмблемой «Сотни». Обрадовавшись находке, перехватил нож поудобнее и, замахнувшись, принялся разбивать лёд. Тот не поддавался. Скользил, иногда почему-то пружинил, но колотья отказывался категорически.

Не отдавая себе отчёта, что лёд ведёт себя откровенно странно, Батя долбил и долбил его, пока оставались силы. А потом, отчаявшись, просто воткнул лезвие в ту, пружинящую часть, навалился сверху всем телом...

И лёд, наконец, поддался.

Отбросив нож, Батя руками принялся отламывать внезапно ставшие мягкими и эластичными обломки, расширяя лунку. Кое-как зачерпнул пахнущую грибами воду, глотнул – и едва смог сдержать позыв к рвоте, сообразив, что набрал в рот что-то не то.

Субстанция не была водой. Да и вообще жидкостью – тоже. Больше всего она напоминала паутину, прилипшую к щекам изнутри и нёбу. А ещё в ней перекачивался какой-то шарик.

Не сумев выплюнуть дрянь, которую из-за галлюцинаций принял за воду, Батя открыл рот и принялся выковыривать её руками. Но он потратил слишком много сил, вскрывая то, что показалось ему льдом. В глазах стремительно потемнело, и сознание вновь отключилось – в который уже раз за сегодня.

Глава 2

На этот раз Батя очнулся не от боли или жажды, а от яркого солнечного света. Ровно секунду нежилась в нём, наслаждаясь почти нормальным самочувствием. Потом вспомнил, где находится, резко вскочил и едва не рухнул с полутораметровой высоты на высушенную до трещин землю.

Оказывается, ночь он провёл на спине дохлого рогатого монстра. Как ни странно, провёл вполне хорошо – тело наполнилось силами, головная боль прошла, сознание прояснилось, раненый бок вообще перестал напоминать о себе. Отступила даже жажда, хотя глотка по-прежнему оставалась сухой, как пески Сахары.

Первым делом Батя выплюнул остатки той паутины, что была во рту. Долго разглядывал её, удивляясь янтарному цвету и каким-то уплотнениям, похожим на узелки. Вчера в ней вроде бы был ещё какой-то гладкий шарик, но то ли он выпал изо рта после того, как комвзвода окончательно отключился, то ли был ненароком проглочен. А возможно, и вовсе почудился – колбасило Батю вечером жутко, так что возможен любой из вариантов. На всякий случай, ради сохранения собственного психологического спокойствия, комвзвода предпочёл поверить в глюки – уж они-то у него вчера точно были. Да и, в конце концов, не особо приятно считать, что, будучи в несознании, он слопал что-то из внутренностей твари, которая, судя по всему, питается человечинной.

Изучив порядком изжёванную паутину, Батя переключил внимание на тварь. Осмотр начал с нароста на её затылке. Пластины брони закрывали его со всех сторон, и, судя по царапинам, именно их Батя вчера безуспешно ковырял ножом. А вот чуть ниже виднелась небольшая щель, из которой торчали лохмотья точно такой же янтарной паутины с вкраплениями чего-то, похожего на узелки, и давешний нож.

Хмыкнув, Батя вытащил нож и прыгнул на землю. На это движение бок всё-таки среагировал, но далеко не так остро, как должен был. Громким урчанием его поддержал желудок, напомнив, что последний раз наслаждался пищей слишком, по его меркам, давно.

В воздухе уже ощущался лёгкий душок разложения. Искать его источник не было необходимости – везде валялись обглоданные человеческие кости, на некоторых из них ещё оставались клочки мяса.

Поминутно оглядываясь и стараясь не наступать на останки людей, комвзвода направился к крепости. Вообще-то, ограждённое деревянным частоколом скопище низких глинобитных хижин, крытых пальмовыми листьями, и с завешенными рваными тряпками дверными проёмами правильнее было бы назвать просто туземным поселением, но местные предпочитали более звучное наименование.

Бате вообще-то было глубоко наплевать, кто, что и как называет. Но ему надо было найти воду, еду, оружие, боеприпасы и медикаменты. И он точно знал, что искомое имеется именно в этих хижинах. А ещё Синица, связной взвода, в одной из них, приспособленной бойцами «Сотни» как раз под склад боеприпасов, именно там оставил свою станцию связи. А связь Бате сейчас была ой как нужна.

ЧВК «Адская Сотня» являлась, пожалуй, самой результативной частной армией в мире. Количество бойцов, служивших в ней, держалось в строжайшем секрете. Приказы командирам приходили от так называемых координаторов, более высокое начальство никто из бойцов не знал и в глаза никогда не встречал. Помимо этого, и сами подразделения ЧВК имели определённую специализацию и крайне редко пересекались друг с другом. Иногда, конечно, возникала необходимость задействовать в одной горячей точке сразу несколько подразделений, но в таком случае их командиры в обязательном порядке ставились в известность и получали все необходимые данные для того, чтоб не принять своих за чужих.

У Бати таких данных не было, а значит, на помощь свободолюбивым африканцам отправили только его взвод. Который в полном составе полёг в бою, не успев доложить о внештатной ситуации оставшемуся на аэродроме связному. Исправлять это предстояло чудом оставшемуся в живых комвзвода. Потому что потери потерями, проваленная операция проваленной операцией, а доложить о тумане и странных, крайне опасных тварях он, как единственный оставшийся в живых, был просто обязан.

Внутри нужной хижины царил полумрак и приятная прохлада. Батя постоял некоторое время, давая глазам привыкнуть к полумраку – окон тут не было, и свет проникал только сквозь прорехи в тряпке, закрывавшей вход. Но, даже не различая пока деталей, комвзвода уже понимал – тут побывали до него. Цинки с патронами и ящики с прочими припасами, раньше аккуратно расставленные вдоль стен, теперь были вскрыты, смяты, словно какие-нибудь картонные коробки, и валялись посреди хижины вперемешку с изувеченными запасными стволами штурмовых автоматов и винтовок. Причём было хорошо заметно, что оружие выводилось из строя намеренно, а не случайно. И сделали это явно не люди, а те твари.

Почему Батя так решил? Да потому что людям, во-первых, было не свойственно ломать то, что могло пригодиться в хозяйстве, и особенно это касалось местных аборигенов, возжелавших независимости от мирового гегемона. А во-вторых, они просто физически не смогли бы такое повернуть.

Так что нет, погром точно устроили не они, а чёртовы твари. Но это ж, какая, итить её налево, должна быть силища, чтоб так искурочить цинки и завязать в грёбанные узлы стволы автоматов? Нет, крупные твари и танк, словно игрушку, способны по запчастям разобрать – уж это-то Батя своими глазами успел увидеть. Но тут явно похозяйничал кто-то с габаритами, не особо превышающими обычные человеческие.

Стационарную рацию Батя нашёл в дальнем углу и сразу понял, что воспользоваться ею уже не сможет – корпус был разломан, электроника вырвана с корнем. Зато каким-то чудом уцелел спутниковый телефон, предназначенный исключительно для экстренных ситуаций и звонков напрямую в штаб, прямому координатору подразделения, к которому относился и батин взвод. Но обрадоваться командир не смог – телефон после включения уверенно продемонстрировал отсутствие какой-либо связи со спутниками.

Вздыхнув, Батя смирился с тем, что ему всё-таки придётся в одиночку, раненому и, похоже, без оружия тащиться тридцать километров до аэродрома по жаре, чтоб доложить о ситуации. При его подготовке задача не такая уж и сложная, но, во-первых, не надо забывать о тварях, которые могут вернуться в любую минуту или выловить его где-нибудь по пути. А во-вторых, с учётом ран к такому марш-броску следовало серьёзно подготовиться.

Отбор бойцов в «Адскую Сотню» был жёсткий. Но для счастливиц, получивших в итоге подтверждение о приёме, сразу наступали суровые будни. Обучение, переобучение, муштра и строжайшая дисциплина – вот что ожидало их в первую очередь. Опытные бойцы, словно школяры, снова садились за парту. Тактика и стратегия ведения боя, взаимодействие друг с другом, психологическая и физическая подготовка – вот то небольшое, что им максимально быстро и жёстко вдалбливали в головы в течение первого полугодия службы в «Сотне». Затем следовал экзамен. И только после него новичков отправляли по подходящим им местам службы, где-то доукомплектовывая подразделения, потерявшие часть бойцов, а где-то формируя новые.

Дальнейшая служба тоже не была простой, чего только Батя не навиделся на ней. Тут были и ужасы бесконечных войн по всему земному шару, и потери боевых товарищей, зачастую настолько жестокие и тяжёлые, что психика неподготовленного человека быстро дала бы течь, и задачи, которые все, кроме бойцов «Сотни», считали невыполнимыми. Так что нынешняя ситуация была для комвзвода почти что ординарной – если не брать в расчёт туман, после которого люди стали превращаться в зомби, и кошмарных тварей.

Кое-как отыскав несколько целых сухпайков и аптечку, Батя стал готовиться к маршброску. Первым делом поел, чтоб набраться сил – аппетит был просто зверский. Потом сходил в другую хижину за водой и, притащив две пятилитровые баклажки и ободранное прямоугольное зеркало, приступил к обработке ран. Нос, хоть и хрустнул вчера, похоже, всё-таки не был сломан и даже не опух, так что о нём Батя тут же перестал беспокоиться. Грудина, как ни странно, тоже не болела, несмотря на то, что пуля вроде как всё ещё оставалась внутри.

А вот рана на боку, хоть и довольно слабо напоминала о себе, всё равно требовала немедленного вмешательства – мало ли какая грязь и зараза могли оказаться на когтях того монстра.

Размочив водой присохшую вместе с кровью футболку, командир, чертыхаясь и матерясь, стянул её с себя. Обтёрся, стирая с торса пыль и грязь. Вколол себе обезболивающее, подготовил антисептик и хирургическую иглу, установил зеркало так, чтоб хорошо видеть рану... и долго смотрел на собственное отражение, не веря глазам.

Там, где должно было быть входное отверстие от пули, красовалась плотная корочка, вокруг которой не было даже воспаления от инородного тела и кусочков ткани, наверняка оказавшихся в ране. Разодранный бок тоже сильно не соответствовал тому, как должен был выглядеть спустя сутки. Батя ведь вчера чуть копыта не отбросил от кровопотери, подозревал, что вообще до сегодняшнего дня не доживёт. Да и дожив, готовился увидеть вполне соответствующую вчерашнему самочувствию картину – оголённые рёбра, рваные мышцы и сосуды, всё ещё сочащиеся кровью...

Кровотечение благополучно прекратилось, края разорванной кожи уже успели прирасти к мясу. Мышцы ещё виднелись, но вот были они, вопреки ожиданиям, целые, а не разорванные, и тоже успели частично обрасти коростой.

Что за чертовщина, итить её за ногу? Так рана должна была выглядеть примерно через неделю активного лечения в госпитале, но уж точно не спустя всего сутки после её появления.

А может, неделю он и провалялся на спине той твари?

Батя хмыкнул. Неделю, как же! Да за неделю туша твари уже так бы завонялась на жаре, что он бы от одного только запаха тухлятины копыта отбросил! Но другого логичного объяснения столь быстрому заживлению не было. Хотя, если подумать, то, может, дело в той янтарной паутине, которой комвзвода наглотался под галлюцинациями?

Проверить гипотезу возможности не было, так что Батя по здравом размышлении просто забил болт на неё и всё-таки занялся ранами. Пытаться вытащить пулю не стал – ещё чего, в антисанитарных условиях расковыривать уже выросшую корку! Зашивать тоже оказалось нечего, но антисептик, заживляющая мазь и стерильная повязка лишними командиру не показались. Да и кто бы в здравом уме стал ими брезговать в жарком и душном африканском климате?

Закончив перевязку и проглотив пару таблеток антибиотика, Батя осторожно натянул на себя рваную футболку цвета «хаки», накинул камуфляжную куртку. Распихал по карманам сухпайки, медикаменты, запас бинтов. Найденную в дальнем углу пузатую фляжку наполнил её водой из бутылки. Повесил на ремень. Не забыл и о телефоне, ведь рано или поздно сигнал от спутников должен появиться.

Гораздо сложнее оказалось отыскать хоть какое-нибудь оружие. Нож, подобранный Батей, находился в таком состоянии, что его безопаснее было просто выбросить. А с автоматами, винтовками и прочими огнестрелами дело вообще было полнейшей трубой – все они оказались либо переломаны, либо скручены в причудливые загогулины.

Вскоре выяснилась ещё одна интересная особенность – твари ломали исключительно огнестрельное оружие, полностью игнорируя холодное. Это командир взвода, правда, понял чуть позже, когда в другой построике нашёл несколько уцелевших ножей с выгравированной на рукоятках эмблемой «Сотни».

Ладно, и на том спасибо. Пристроив один из ножей в пустующие ножны на голени, а второй повесив на пояс, Батя вернулся в хижину. Вытряхнул из аптечки все не понадобившиеся ему лекарства и отправился обратно к твари, на туше которой провёл ночь.

Ему не давала покоя та субстанция, похожая на паутину. Если он прав, и именно она помогла ускорить заживление раны, да ещё и обеспечила отсутствие разного рода инфекций и нагноений, которые в жарком и влажном африканском климате просто обязаны были дать о себе знать, то оставлять её здесь точно не стоило. Мало ли, вдруг ещё пригодится.

Взобравшись на тушу, уже начавшую слегка пованивать тухлятиной, Батя не без брезгливости запустил руку внутрь нароста на затылке твари и принялся выгребать содержимое в чехол от аптечки. Вопреки ожиданиям, начавшееся разложение паутину не затронуло. По крайней мере, на вид. Да и в лёгком запахе сырых грибов чувствительный нос Бати не уловил ни малейшей нотки гниения.

В процессе выгребания паутины из нароста пальцы комвзвода вдруг нащупали нечто круглое и гладкое, тут же напомнившее о шарике, который он почувствовал во рту во время галлюцинаций. С некоторым содроганием Батя вытащил это нечто и принялся разглядывать.

Больше всего предмет походил на жемчужину необычного чёрного цвета. На ощупь она оказалась холодная, но быстро нагрелась от тепла державшей её ладони. Перламутровые перемены завораживали, появилось настойчивое желание положить псевдо-жемчужину в рот и проглотить...

«Ну нет, – волевым усилием остановил себя Батя. – Хватит с меня пока чужеродной, мля, органики».

Но выбрасывать жемчужину не стал, решив передать её командованию – пусть подключат учёных или ещё каких-нибудь спецов и изучат, что это за хренотень.

Помимо чёрной жемчужины среди янтарных нитей с узелками обнаружилось ещё две, на этот раз красных. И дополнительно – ещё две разновидности «шариков». Одни напоминали по виду серо-зелёные виноградины, вторые были похожи на слегка сморщенные горошины с ноготь мизинца размером. Батя без раздумий ссыпал их в чехол от походной аптечки вместе с жемчужинами.

Полностью содержимое нароста в чехол не влезло. Покопавшись ещё и убедившись, что собрал все возможные разновидности шариков, Батя вжикнул молнией, застёгивая чехол. Вернулся в хижину, надолго приложился к бутылке с водой – жажда вновь решила напомнить о себе пересохшим горлом. Присел на дорожку, заодно проверив, всё ли взял с собой. И отправился в сторону аэродрома.

Пройти Бате предстояло порядка тридцати километров. Сначала по редкому лесу, состоящему из опутанных лианами раскидистых деревьев, потом по саванне, заросшей чахлыми кустарниками. Затем придётся миновать холмистую гряду, за которой расположен совсем уж жалкий по меркам русского человека лесок. За ним пойдут, наконец, обитаемые места. А там уже и до аэродрома будет рукой подать.

Батя, несмотря на рану, твёрдо намеревался большую часть пути миновать по свету и к темноте выйти к одному из окруживших аэродром поселений. Это Африка. Тут живёт огромное количество крупных и весьма опасных для слабовооружённого человека хищников. Днём они обычно лениво прячутся в тени или, наоборот, нежатся на солнце. А вот ночь – это всегда время охоты.

Не хищники тоже могут представлять из себя ощутимую угрозу, если посчитают, что человек зашёл на их территорию. Какая-нибудь антилопа мила и беззащитна только в одиночку. Если же нарваться на стадо, да ещё с детёнышами, то могут и на рога поднять, с них станется. Да и тех огромных тварей, за какие-то жалкие полчаса уничтоживших взвод Бати, противостоящих ему америкосов и негров-ополченцев, сбрасывать со счетов не стоит – раз они так внезапно появились возле крепости, то могут так же неожиданно встретиться и по пути.

...Собственные силы комвзвода всё-таки переоценил. Через пару километров он уже чувствовал себя выжатым, как лимон. Солнце жарило, пот лился градом по груди и спине, разедавая раны, колени подкашивались, руки тряслись. Воды во фляге оставалась только половина, да и та стала приторно-тёплой и приобрела тухлый привкус. Снова проснулся зверский аппетит.

Помимо этого, Батю тревожило ещё кое-что – до сих пор ему не встретились животные. Ни хищные, ни травоядные. Испугались человека? Исключено – во время марш-броска вместе со взводом, насчитывавшим целых двадцать человек, они присутствовали и не больно-то спешили убраться подальше. Батя видел огромные стаи птиц, стада антилоп, зебр и жирафов и даже два расположившихся на отдых львиных прайда, которые только лениво повернули головы в сторону бойцов, но даже и не подумали хотя бы подняться с места.

А теперь вокруг только тишина и покой.

Кстати, возле крепости животные тоже так и не появились, что странно – ведь сколько халявного мяса там осталось. И ладно бы львы, но уж как минимум такие падальщики, как гиены, точно не могли пропустить подобное пиршество. И всё же пропустили.

Это обстоятельство заставило Батю, во-первых, матюгнуться на самого себя за из рук вон отвратную наблюдательность, а во-вторых, сильно насторожиться. Потому что единственный вывод, который он мог сделать из всего этого – животные боятся тех тварей больше, чем огня. И держаться от них предпочитают на о-о-очень большом расстоянии. Примерно таком, чтоб их невозможно было унюхать. А это, в свою очередь, означало, что, раз животные ушли, то твари всё ещё где-то поблизости. И, возможно, уже исходят слюной, топая по батиному следу.

Пройдя ещё примерно километр, комвзвода понял, что ошибся. Животные не ушли. Наверное, они попытались, но не смогли потягаться в скорости с тварями. Наверняка поборолись за свою жизнь, но силы оказались неравны, и их постигла та же участь, что и людей возле крепости.

Присев над обнаруженной кучкой костяков, Батя жадно допил остатки воды и принялся изучать следы на растрескавшейся от жары земле.

Да, твари тут точно побывали. По крайней мере те, огромные – их огромные когтистые лапы продавили землю так, что пробежавшие следом босые человеческие и не только ноги не смогли стереть отпечаток. Но теперь эти твари ушли куда-то на восток, в то время как Бате надо было строго на север. Что ж, хоть какое-то облегчение.

То, что направления движения комвзвода и тварей не совпали, не означало, что можно расслабиться. Зато позволяло идти чуть быстрее, не выискивая на каждом шагу потенциальные укрытия. Но Батя всё равно это делал – просто на всякий случай.

Почти до самого вечера он упорно шагал к аэродрому, старательно игнорируя усталость, голод, жажду и вернувшуюся головную боль. Скорость передвижения оказалась сильно ниже, чем он рассчитывал, так что к закату он только-только добрался до гряды, расположенной всего-то километрах в семи от крепости. Вскрабкался на вершину длинного пологого холма.

И похолодел, потому что куцего лесочка, который должен был начаться на другой стороне, не было. Да и самой другой стороны тоже не было. Вместо неё красовался ровный, словно гигантским ножом обрезанный обрыв высотой около пятнадцати метров, а за ним...

Батя долго тёр глаза и массировал виски, не в силах поверить в то, что видел перед собой, и истово надеясь, что это просто ещё одна галлюцинация, вызванная жаждой и, возможно, отравлением той паутиной. Потому что ничем иным он не мог объяснить, откуда посреди африканской саванны, освещённый лучами заходящего солнца, вдруг оказался вполне себе средне-русского вида ПГТ с характерной пятиконечной звездой на торцах двухэтажных кирпичных барачков.

Глава 3

На то, чтоб заставить себя хоть немного поверить, что это не очередная галлюцинация, ушло приличное количество времени. Солнце зашло, и всё вокруг погрузилось в плотную темноту африканской ночи. Или уже не совсем африканской? А может, и вовсе не африканской?

А-а, к чёрту эти бесполезные вопросы! Батя всегда был человеком действия и умел останавливать поток мыслей, когда это было нужно. Вот и сейчас он усилием воли прекратил задаваться вопросами без ответов и решительно отправился искать спуск к ПГТ, чтоб своими руками потрогать бараки и либо убедиться в том, что они реальны, либо найти хоть какие-то странности по аналогии с тем наростом, который его воспалённый разум принял за озерцо с живой влагой.

Спуска не было, а прыгать с двадцатиметровой высоты не хотелось. Побродив вдоль обрыва, Батя понял, что иного пути, кроме как повернуть либо на восток, либо на запад, и идти до конца гряды, а потом шагать в обратном направлении, нет. Совершать ночью такую прогулку категорически не хочется – слишком легко нарваться на неприятности. Но ночевать на вершине гряды, где нет ни малейшего намёка на укрытие, ещё опаснее. Вот что он, спрашивается, станет делать, если на него выйдет какой-нибудь зверь или одна из тварей? Прыгать вниз, чтоб переломать ноги и стать лёгкой добычей? Да хрен там! Зря, что ли, после принятия в состав «Адской Сотни» его в течение полугода непрерывно ставили в ситуации, где из двух зол приходилось выбирать не меньшее, а самое практичное? Определённо – нет! Так что лучше уж пройтись, ведь здесь шансов на спасение у него в случае чего не останется. А там, в стороне, они могут и появиться.

Приняв решение, Батя повернулся на девяносто градусов и зашагал на запад. Почему туда? Да потому что следы тварей, которые он видел днём, уходили на восток.

Пройдя всего ничего, комвзвода понял, что его что-то беспокоит. Замер, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Нет, вроде бы всё спокойно. Но откуда тогда это острое, сосущее под ложечкой чувство... нет, не опасности, а, скорее, неправильности происходящего? Вот чёрт его поймёт, если честно.

Вздыхнув, Батя поднял глаза к небу и сразу всё понял. Снова подкрались подозрения, что он видит очередную галлюцинацию, и на этот раз уверенно отмести их не вышло.

Потому что как бы не отличалось небо над Африканским континентом от родного, это было не оно. Совсем другие звёзды, сияющая полоса над горизонтом, похожая на Млечный Путь, но совершенно точно им не являющаяся.

Звёзды Батя знал хорошо. Увлекался астрономией со школы, ещё до службы в ЧВК прекрасно умел ориентироваться по ночному небу. А когда стал бойцом «Сотни», попросту взял и выучил все созвездия и места земного шара, над которыми они располагаются.

Но на этом небе ни одного знакомого ему созвездия не было. А вдобавок отсутствовала и луна – при том, что ещё вчера было самое что ни на есть полнолуние.

«Одно из двух, – с неуместной самоиронией подумал Батя. – Или я действительно брежу, или это место – не центральный регион Африки. И вообще – не Земля. Второе, мать его, намного вероятнее».

Что со всем этим делать, Батя понятия не имел, поэтому просто решил следовать намеченному плану и снова двинулся вдоль обрыва. Но буквально через сотню метров остановился. Не потому, что почуял опасность, нет. Просто и с этой стороны гряды обнаружился обрыв. А за ним...

За ним возвышался город. Обычный современный мегаполис с небоскрёбами, широкими проспектами и тянувшимися вдоль них фонарями.

Единственной причиной, почему Батя не увидел город издалека, было отсутствие света. Нет, не от звёзд, а того, к которому городские жители привыкли настолько, что перестали замечать – искусственного, электрического, манящего то уютным жёлтым теплом квартир с мягкими диванами, современными огромными телевизорами, горячей водой и безлимитным выходом во всемирную паутину, то прохладной белизной настраивающих на деловой лад офисов.

Света в мегаполисе не было от слова «совсем». Безжизненно чернели окна небоскрёбов, сиротливо возвышались над дорогами обесточенные и от того бесполезные уличные фонари. На самих дорогах просматривались силуэты машин, но и они тонули во мраке ночи. Странно, очень странно. Если бы света не было только в домах, то Батя бы первым делом подумал о том, что его, возможно, отключили из-за какой-нибудь аварии. Но машины, они ведь только от собственных аккумуляторов и залитого в баки бензина зависят, они-то должны ехать и светить фарами, а не замереть посреди дороги так, словно владельцы разом остановились и покинули свои транспортные средства.

А может, и покинули? Может, те твари добрались до этого города, и автовладельцы, застрявшие в вечной пробке, решили, что бежать на своих двоих надёжнее? Если так, то дела у Бати совсем плохи. Твари где-то рядом, а ему кровь из носа как надо найти способ безопасно спуститься с гряды и продолжить свой путь к аэродрому.

Хотя какой, к чертям собачьим, аэродром?! Ни мегаполиса, ни того ПГТ на пути батиного взвода не было. Они попросту не существовали в этой местности! И из ниоткуда появиться тоже не могли!

Глюки, вот как есть, мать их, глюки! Твою ж налево да через колено! Интересно, какую чёртову возвышенность его мозг принимает за небоскрёбы?

Во время первого своего боевого задания в «Сотне» Батя неожиданно для самого себя получил в личное дело такую интересную отметку, как «умеет находить нестандартные подходы к выполнению боевых задач». Характеристика была заслуженной – комвзвода действительно умел мыслить не так, как все. А в дополнение к этому был до мозга костей практичен. Вот и сейчас вместо того, чтоб досадовать из-за донимающих его галлюцинаций, он решил, что чем бы эти «небоскрёбы» ни были на самом деле, их высотой однозначно стоит воспользоваться. Несколько раз по дороге командир вытаскивал из кармана спутниковый телефон, включал его и пытался поймать сигнал, но всякий раз вынужден был снова отключать и убирать. Может, если взобраться повыше, удастся поймать хотя бы один спутник и сделать столь важный звонок?

Обрыв со стороны города с небоскрёбами был высотой раза в два ниже, чем рядом с ПГТ. Присев у края, Батя, как смог, изучил место, куда ему предстояло приземлиться, и, признав его достаточно ровным, решился на прыжок. Будучи только курсантом «Адской Сотни», он прыгал и с большей высоты. Но тогда он был здоров, полон сил и прекрасно себя чувствовал. Сейчас же вместо того, чтоб просто шагнуть с обрыва, Батя предпочёл лечь на него и грузно съехать ногами вниз.

Приземление вышло относительно нормальным. Едва ноги коснулись твёрдой поверхности, тело на рефлексх скоординировалось и ушло в пережат, гася инерцию. Бок, конечно, всё равно среагировал на это болью, но вполне терпимой, хотя действие анестетика давно закончилось. Голова тоже посчитала нужным продемонстрировать Бате своё недовольство, но, в общем и целом, всё прошло как по маслу.

Встав и отряхнувшись, Батя мысленно выругался, обнаружив, что по неосторожности разодрал куртку на локте, и огляделся. Вроде бы всё было спокойно. Безжизненный город чернел на фоне лишь чуть более светлого неба и был окутан тишиной.

Постояв минут пять, двинулся к небоскрёбам. Несмотря на то, что постарался ступать как можно тише, под подошвами армейских ботинок едва слышно зашуршал асфальт. Ком-

взвода остановился, обернулся. В принципе, он увидел именно то, что ожидал, но всё равно не удержался от крепкого словца – уж больно неестественно это выглядело. Асфальт заканчивался впритык к обрыву, словно его кто-то обрезал по идеально ровной линии. Точно такое же ощущение обрезанности огромным ножом производил и сам обрыв – его стена, состоящая из спрессованной сухой земли, была гладкой и разве что не блестела, как зеркало.

Вообще складывалось впечатление рукотворности этого странного сочетания – природа, она ведь прямых линий и резких переходов не любит. Но и человеческой эстетики тут тоже не наблюдалось – человек, создав линию, обязательно попытался бы её облагородить. По краю асфальта уложил бы бордюрный камень, по срезу обрыва, возможно, пустил бы растения с длинными, висячими ветвями.

Так чей тогда разум так резко соединил два столь непохожих друг на друга куска земли? И, главное, как – ведь эти куски земли, похожие на лоскуты стёганого одеяла, явно относятся к местностям, никогда не находившимся рядом?

Размышления ничуть не мешали Бате продвигаться вперёд, к ближайшему небоскрёбу. Тело работало само по себе, на рефлексах, настороженные инстинкты тщательно анализировали окружающую обстановку без вмешательства мозга. Но, подойдя к дороге с застывшими на ней машинами, командир насторожился.

Нет, никакой опасности вроде бы не наблюдалось, но вблизи стало понятно, что автомобили не просто были покинуты своими владельцами. Все они стали участниками массовой аварии. Одни стояли, уткнувшись друг в друга бамперами или зацепившись бортами, другие валялись на боку или на крыше, а третьи и вовсе превратились в невозстановимый хлам, где-то смятый, а где-то вскрытый наподобие консервных банок.

Картина укладывалась в теорию о том, что и тут похозяйничали твари, но с некоторыми дополнениями. Похоже, местные жители сначала пытались всё-таки спастись при помощи своих транспортных средств и только потом решили бежать, бросив их. Но не смогли.

На первый обглоданный костяк Батя наткнулся, обойдя уткнувшуюся капотом в отбойник ярко-красную малолитражку с выломанной водительской дверцей и оторванной крышей. Рядом валялась женская сумочка, и на её лаковом боку виднелись три глубоких царапины. Содержимое, однако, никого не заинтересовало – это Батя проверил первым делом.

Дальше костяки стали попадаться чаще. Целые, разобранные, растоптанные, обглоданные добела и с остатками начавшего протухать мяса. Снова появился едва слышный запах разложения, от которого командир успел отвыкнуть за то время, что шёл по саванне и гряде.

Уже почти перейдя дорогу, Батя уловил едва слышное урчание. Тут же присел, прячась за бортом здорового пикапа, и замер. Звук шёл из подозрительно целого серебристого седана, припаркованного у входа в ближайший небоскрёб. Убедившись, что он не удаляется, но и не приближается, командир сам двинулся на сближение, укрываясь за другими машинами.

По мере того, как расстояние сокращалось, урчание меняло свою тональность. Из жалобного и жалкого оно становилось голодным и требовательным.

«Что, человечинки охота? – продолжая сближение, оскалился Батя и на ходу вытащил из чехла нож. – Сейчас придёт, ты только дождись».

Добравшись до машины, откуда доносился звук, командир обошёл её по кругу, заглянул в окно и остолбенел. Да уж, действительно, дождалась.

За рулём, пристёгнутая ремнём безопасности, бесновалась хрупкая миловидная блондинка. Вернее, она была когда-то миловидной, а сейчас лицо её было искажено злобой, из прикушенных губ струилась по подбородку кровь, стекая на платье с низким вырезом. В глазах, полностью чёрных, без малейшего признака белка, не было и проблеска разума, лишь бездумная ярость и голод.

Почувяв Батю в непосредственной близости, блондинка задёргалась, замолотила руками по дверце, рулю и приборной панели. Случайно нажала на сигнал, и тишину огласил протяжный, визгливый и очень громкий звук.

– Да ты ж мне так всю конспирацию сейчас к хренам собачьим отправишь, дура! – возмутился Батя и бросился к водительской двери.

Рванул на себя, открывая, и едва смог увернуться от удара изящной рукой с покрытыми ярко-красным лаком ногтями.

– Вылазь, мля!

К женщинам Батя всегда относился со свойственной хорошо воспитанному мужчине бережностью. Старался придерживать перед ними двери, подавал руку, уступал места. Но сейчас ему было не до галантности. Да и женщиной эту мегеру язык не поворачивался назвать.

Поймав руки блондинки, командир сжал оба её запястья в своей лопатообразной ладони, одним движением перерезал удерживавший женщину в машине ремень безопасности и выволок её на улицу. Уложил лицом на асфальт, поудобнее перехватил запястья, прижал коленом между лопаток.

– Кто ты? Откуда? Что тут произошло?

Блондинка вместо ответа попыталась извернуться и укусить Батю. Она оказалась неожиданно сильной, особенно для её комплекции. Комвзвода, пребывавший пусть не в лучшей по собственным меркам, но определённо отличной в сравнении с любым гражданским лицом одного с ним пола форме, с трудом удерживал разбушевавшуюся хрупкую бабёнку и одновременно пытался сообразить, что ему с ней делать. Блондинка была явно не в себе и очень напоминала Бате его бойцов, потерявших разум и возжелавших плоти своих пока ещё нормальных сослуживцев.

Убивать её не хотелось – женщина же. И в то же время Батя прекрасно осознавал, хоть и не хотел в это верить, что блондинка действительно уже превратилась в зомби, и вряд ли он сможет ей хоть чем-нибудь помочь. А она вполне может осложнить Бате и без того ни разу не простую жизнь – а ну как привлечёт своим урчанием других таких же, как она. А то и кого похуже!

Стиснув зубы, Батя сильнее надавил коленом, отпустил руки женщины, схватил в кулак длинные, спутанные волосы и потянул, заставляя её поднять голову и открыть горло. Приложил к нежной шее нож и, поколебавшись мгновение, провёл им по коже.

Урчание перешло в бульканье. Подёргавшись, блондинка затихла, но Батя предпочёл ещё немного подождать. И только убедившись, что мегера мертва, отпустил её волосы и поднялся.

На душе было мутно. Но что ещё ему оставалось делать? Совесть совестью, воспитание воспитанием, но война – она диктует свои законы и свою мораль, зачастую неприемлемые в мирной жизни – уж в этом-то Батя уже давно убедился. На войне нет женщин, есть только те, кто с тобой заодно, и враги. С первыми надо стоять плечом к плечу. Вторых – уничтожать. А милосердие... Оно во время боевых действий к реальности практически неприменимо, потому что может стоять жизни не только тому, кто сжалится, но и другим. Своим. Тем, кто не виноват, что у тебя дрогнуло сердце, и ты из собственной слабости не смог сделать то, что должен.

Батя никогда не ставил совесть выше жизни своих бойцов или результата задания, которое было ему поручено. Да, бойцов у него больше не было. Но задание, на первый взгляд показавшееся вполне обыденным, преобразовалось в огромную ответственность – найти способ связаться со штабом и предупредить о зомби и тварях. И риск его провалить даже близко не стоял рядом с жизнью одной-единственной женщины, которая, наверное, и человеком-то уже не была.

Заставив себя выбросить из головы ненужное морализаторство, Батя продолжил путь. Добравшись до крохотного сквера перед входом в небоскрёб, пригнувшись, пробежал его, при-

жался к стене сбоку от разбитой вращающейся двери. Прислушался и, убедившись, что путь чист, крадучись двинулся внутрь.

На первом этаже небоскрёба располагался огромный, отделанный мрамором холл с диванами, низкими столиками, вендинговыми машинами, длинной стойкой для секретарей и турникетами, преграждающими проход к лифтам. Раньше тут наверняка царил образцовый порядок, но теперь его место занял хаос. Диваны были изодраны, обрывки обивки оказались разбросаны по всему холлу вместе с обломками журнальных столиков. Вендинговые машины валялись далеко от своих прежних мест, окружённые рассыпавшимися шоколадками, пачками чипсов и бутылками с водой. Лопасты турникетов кто-то большой и сильный попросту вывернул, а некоторые так и просто целиком выломал из пола и бросил рядом. В стойке зиял большой пролом, а металлические двери лифтов украшали длинные глубокие борозды от когтей.

Сейчас, однако, твари, устроившие в холле разруху, ушли. Убедившись в этом, Батя первым делом направился к разбросанной еде. Почти не пережёвывая, съел сразу три шоколадных батончика с арахисом, еще пять штук распихал по карманам на всякий случай. Залпом выпил полулитровую бутылку воды, вторую тоже сунул в карман, а третью перелил во флягу – жажда вместе с головной болью мучили его всё сильнее.

Пожалев о том, что не взял с собой анальгетики, Батя залпом влил в себя ещё бутылку и направился к лифтам. Они, разумеется, не работали, так что пришлось искать лестницу.

На верхний, двадцать девятый этаж Батя едва дополз. Одежда насквозь промокла от пота, сердце билось, как бешеное, лёгкие едва справлялись с нагрузкой. Самочувствие стремительно ухудшалось, возвращаясь ко вчерашнему.

Комвзвода не сдавался. Сейчас, сейчас, ещё чуть-чуть усилий, и он, возможно, сможет совершить один так нужный ему звонок по спутниковому телефону. Твари, даже если и вернутся, на такую высоту не залезут, так что после можно будет немного отдохнуть в ожидании помощи. А помощь придёт – в этом комвзвода был уверен абсолютно. «Сотня» своих не бросает.

Поднявшись на плоскую, крытую рубероидом крышу, Батя взял в руки телефон, но тот снова продемонстрировал полное отсутствие связи со спутниками. Вздохнув, командир принял решение остаться на крыше до утра. А когда взошло солнце, он с ужасом понял только одно – помощи не будет.

Глава 4

Вид с крыши открывался такой, что захватывало дух. Только захватывало его вовсе не от красот и видов, а совсем по другой причине. Батя долго стоял на краю и смотрел туда, где должен был быть аэродром. Потом переместился на другой край, постоял там. В общей сложности Батя обошёл всю крышу раз так десять или больше, но всё равно не смог заставить себя поверить в то, что увидел.

Африки больше не было. Вернее, от неё остался небольшой кусок диаметром километров в десять с крепостью, где на батиных бойцов и их противников напали твари. По форме он напоминал шестиугольник с относительно ровными краями. А вокруг него расположились другие шестиугольники, вот только на африканскую саванну или хотя бы джунгли они ну никак не были похожи. В основном это была плотная городская застройка с небоскрёбами вроде того, на крыше которого Батя провёл ночь. Кое-где её разбавляли куски районов с обычными жилыми многоэтажками или провинциальных городов с домами не выше пяти этажей. Далеко на востоке виднелся край огромного водоёма.

Объяснений происходящему у Бати не было никаких, кроме одного – он больше не в своём мире, а в каком-то другом. Звучало бредово, но ничего лучше в голову всё равно не приходило.

Как он сюда попал? Вот тут у командира были кое-какие подозрения.

Туман, который он поначалу принял за какое-то американское биологическое оружие. Именно с тумана всё и началось. Он превратил батиных бойцов в зомби, и именно после него появились те огромные твари. Видимо, он появился как раз в тот момент, когда кусок центральной Африки, где и находился Батя, переместился в этот мир, с высоты похожий на одеяло, сшитое из одинаковых по форме, но разных по узору лоскутов.

Подтверждением догадки служил тот факт, что километрах так в двадцати к северу, неподалёку от того места, где должен был находиться аэродром, но вместо него располагался ещё один лоскут с высотками, к небу поднимался столб точно такого же тумана всё той же шестиугольной формы. Вскоре он рассеялся, и на его месте появился ещё один лоскут с небоскрёбами.

Ну точно, другой мир. И, видимо, портал или что-то такое в него открывается довольно регулярно, засасывая в себя различные куски Земли. Надо было ещё ночью догадаться, глядя на небо, которое ну никак не могло быть земным!

Батя не знал, смеяться ему или плакать. Лишь в бессильной злобе сжимал в ладони спутниковый телефон, в одно мгновение из средства связи превратившийся в бесполезный кусок пластика, начинённый такими же бесполезными микросхемами!

Ведь, если это другой мир, то вряд ли тут вообще есть хоть один спутник!

Ещё один вывод, к которому пришёл Батя в процессе наблюдения за окрестностями – мир, в который он попал, меняется постоянно. Туман, рассеявшись над одним из лоскутов, буквально через несколько минут появился над другим. Затем над третьим, четвёртым, пятым, девятым, двенадцатым. Дальше комвзвода считать перестал – и так стало понятно, что в одном месте задерживаться надолго не стоит.

Потихоньку деятельная натура брала верх над отчаянием, и разум активно планировал план действий по выживанию. Нет, Батя вовсе не смирился с ситуацией, в которой оказался. Но для того, чтоб в ней окончательно разобраться, требовалось выжить. А с учётом изменчивости местности в первую очередь необходимо было нарисовать карту с расположением всех этих лоскутов, и выяснить, есть ли у тумана хоть какое-то расписание. Ещё не помешало бы разжиться каким-нибудь транспортным средством, чтоб иметь возможность быстро перемещаться по лоскутам в случае потенциальной опасности.

Сказано – сделано. Наскоро перекусив сухпайком и запив его бутылкой воды, Батя, чертыхаясь от усилившейся головной боли, побрёл по лестнице вниз. Спустившись этажей на пять, нашёл открытую дверь и оказался в коридоре с множеством дверей, ведущих в офисы.

То, что надо!

Из принтера, обнаружившегося в ближайшем помещении, он вытащил стопку чистых листов бумаги. Здесь же разжился скотчем, чтоб скрепить их между собой и сделать большую карту, карандашами и парой шариковых ручек. И занялся поиском часов.

Нужны ему были исключительно механические, не зависящие ни от электричества, ни от батареек. И очень желательно – наручные. Причём время на них Батю не интересовало в принципе – он намеревался выставить его сам, приблизительно в соответствии с местными сутками.

Поиски часов ни на этом этаже, ни на трёх следующих, результата не дали. Зато удалось найти достаточно вместительную женскую сумку яркого зелёного цвета, из которой Батя вытряхнул всякую ерунду вроде косметики, кошелька с банковскими картами, расчёски и прочих женских мелочей. Вместо этого туда отправилась бумага, канцелярские принадлежности и две слегка размякших от дневной жары шоколадки из автомата на первом этаже.

«Надо будет ещё набрать, как спущусь, – между делом подумал Батя. – И воды – тоже».

Ходить с сумкой в руках тоже было не очень удобно. Особенно привычному к рюкзаку бойцу. Помучившись с полчаса, командир вспомнил, что некоторые женщины носят сумки на плече, и тоже решил опробовать этот способ. Чуда не произошло, привычный ему рюкзак ожидаемо удержал пальму первенства как по функциональности, так и по эргономичности. Но, даже несмотря на то, что с плеча сумка то и дело пыталась соскользнуть, метод оказался гораздо удобнее, чем продолжать таскать её в руках.

Решив проблему, Батя отправился на дальнейшие поиски.

Примерно семь этажей из всех двадцати девяти оказались заперты на обычные дверные замки. Остальные, магнитные, были распахнуты настежь. Батя прошёлся по всем. Люди, работавшие в офисах на высоких этажах, покидали здание организованно, оставив на рабочих местах образцовый порядок. Но чем ниже Батя спускался, тем чаще видел совсем другую картину – забытые и разбросанные вещи, перевернутые стулья и горшки с цветами, сдвинутые с мест столы, разбитые мониторы. Тут люди уходили в панике и спешке, бросая всё. И в этот момент уже превращались в зомби – на эту мысль недвусмысленно наводили разбросанные по помещениям человеческие кости и засохшие следы крови на сером некогда ковролине.

Точно такие же следы присутствовали и на лестнице, но в темноте Батя их не заметил. А теперь увидел во всех подробностях и смог представить, что именно тут творилось после того, как туман рассеялся.

Вряд ли туман имел разное действие в зависимости от высоты. Скорее, по мнению командира, верхние этажи отправились на эвакуацию чуть раньше нижних и ещё не успели потечь мозгами. Так что всё самое кошмарное произошло именно тут, на этажах до пятого включительно.

На то, чтоб обыскать все двадцать девять этажей, ушёл целый день, так что ночевать Батя решил всё на той же крыше. Кинул в рот обезболивающую таблетку, найденную в одной из офисных тумбочек, запил водой, заел шоколадкой. Вытащил из сумки бутылку водки, обнаруженную в другой тумбочке, открутил крышку. Следом достал пачку бумажных салфеток и наручные механические часы с треснувшим стеклом, снятые с чьей-то обглоданной руки.

Полив салфетку водкой, принялся оттирать с часов присохшую кровь. Надел их на руку, застегнул ремешок, выставил время. И вытащил пачку бумаги, скотч и карандаши.

На то, чтоб склеить листы между собой, ушло несколько минут, после чего Батя разрисовал их примыкающими друг к другу шестиугольниками. Один пометил словом «крепость».

Другой, расположенный через два шестиугольника по диагонали, подписал как «небоскрёб». Остальные просто пронумеровал – приметные названия можно будет и потом придумать.

Дождавшись, когда над одним из лоскутов, на импровизированной карте подписанном цифрой «пятнадцать», сгустится туман, Батя снова взял карандаш и, посмотрев на часы, написал дату и время. Потом повторил действия со следующим окутавшимся туманом лоскутом, с ещё одним, и ещё.

До темноты удалось отследить порядка десяти случаев появления тумана, но повторов пока не было. Голова болела уже попросту нестерпимо, до тошноты и потемнения в глазах, так что Батя, опасаясь в таком состоянии совершить ошибку, отложил дальнейшие наблюдения, проглотил ещё одну обезболивающую таблетку и решил заняться изучением содержимого чехла для полевой аптечки – надежды своевременно отдать его каким-нибудь учёным уже не было.

Что делать с янтарной паутиной, Батя не представлял даже отдалённо, так что просто аккуратно отложил её в сторону. На чистый лист перед собой выложил все три вида шариков: чёрную жемчужину, две красных и по горсти «виноградин» и «горошин». Долго смотрел на них, не зная, что делать дальше. И решился на эксперимент.

Открыл ещё одну бутылку с водой и взял в руки чёрную жемчужину. Покрутил в пальцах, бросил в воду и принялся ждать. Спустя полчаса, сменил чёрную жемчужину на красную. Затем вместо неё положил «горошину», а еще через полчаса и её поменял на «виноградину».

Ни один из шариков с водой не прореагировал, и это, в принципе, было ожидаемо. Так что Батя не расстроился и решил продолжить изыскания, но на этот раз в качестве растворителя применил алкоголь. Налил двести грамм водки в валявшуюся рядом пустую бутылку из-под воды и поочерёдно повторил свои действия.

С жемчужинами и «горошиной» результат получился в точности такой же. А вот от «виноградины» водка почти сразу помутнела, а на её поверхности появились какие-то хлопья.

Подумав, Батя добавил водки до горлышка, закрутил крышку и оставил свой импровизированный реактив доходить до кондиции.

Так, а что с паутиной? Уж её-то Батя успел наесться и вроде как не траванулся. Более того, именно после неё ему неслабо так полегчало, а заживление раны чудесным образом ускорилось. Может, и сейчас надо её пожевать, чтоб самочувствие улучшить?

Ковзвода никогда не считал себя брезгливым. Сколько крови, плоти и внутренностей, не считая обычной грязи и содержащихся в ней гадостей, ему доводилось держать в руках в самом что ни на есть буквальном смысле слова. И ничего. А вот мысль о том, чтоб добровольно сожрать эту вот дрянь, ничего, кроме отвращения, не вызывала – несмотря даже на то, что дрянь проверенная и, быть может, даже в чём-то полезная.

Поколебавшись, Батя всё-таки решился. Оторвал нитку, закинул в рот, старательно пережевал и прислушался к собственным ощущениям.

Нет, лучше ему не стало ни спустя пять, ни спустя десять минут. Выплюнув нить, командир свернул крышку у ещё одной бутылки с водой и старательно прополоскал рот. Снова погрузился в раздумья.

Так, кажется, ещё он тогда проглотил какой-то шарик. Или не проглотил? Может, тот просто растворился во рту, пока Батя валялся в отключке? Возможно. Осталось только определить, какой именно шарик из имеющихся разновидностей тогда был.

Вроде бы ощущался он гладким. Значит, жемчуг. Чёрный или красный? Это уж точно не определить, на языке у Бати глаз никогда не было, да и от случайного употребления непонятной органики они тоже не спешили расти. Что немного обнадеживало. Но именно что немного.

Так и не решившись больше ни на что, Батя сделал вывод, что утро вечера мудрее, и завалялся спать. Сон, правда, никак не шёл – боль сдавливала виски и категорически отказывалась отступать. В итоге комвзвода всё-таки сумел погрузиться в некое подобие дрёмы, – сказала

военная привычка засыпать в любых условиях, – но то и дело подрывался то от посвиста ветра, а то от далёкого, но от того не менее жуткого урчания бродивших неподалёку тварей.

Откуда они взялись? Набежали, почуяв, что скоро здесь появится туман? Или унюхали его, батин, запах, и рыщут в поисках спрятавшейся двуногой еды?

К утру самочувствие ухудшилось настолько, что Батя едва смог подняться и тут же согнулся пополам от жестокого спазма – желудок решил извергнуть из себя остатки содержимого. Проблевавшись, командир разогнуться уже не смог – потемнело в глазах.

Нет, всё-таки ему придётся рискнуть и попробовать один из этих странных шариков, потому что и без них он, судя по всему, скоро окочурится. Так что терять нечего.

Только какой выбрать. Гладкий, доверившись смутным воспоминаниям о том бреде? Или начать с того, который он вчера растворил в водке? А-а, была не была!

Из последних сил Батя потянулся к бутылке с раствором из водки и «виноградины». Открутил крышку, понюхал и снова зашёлся в приступе рвоты, едва не расплескав содержимое.

Ну и вонь! Носки, которые командир неделю не снимал, участвуя в боевых действиях, по сравнению с этим амбрэ пахли, словно букет полевых ромашек. Ещё и хлопья эти на поверхности поила плавают, отцедить бы, какие-то они... настораживающие, что ли, на гниль похожие.

Раствор Батя в итоге догадался пропустить через бумажную салфетку. Накапал то, что получилось, в крышку от бутылки, опасаясь принимать эту дрянь в большей дозе. Задержал дыхание и залпом проглотил.

Желудок снова попытался устроить бунт, но оказалось нечем – поило из «виноградины» усвоилось мгновенно. Но пожалеть о собственной смелости Батя не успел – самочувствие вдруг стало стремительно улучшаться.

Посидев пять минут, прислушиваясь к себе, командир отметил, как успокоился желудок, исчезла темнота в глазах, притихла головная боль и вроде как значительно прибавились силы. Даже жажда – и та куда-то пропала. Что-то пока не похоже на процесс отбрасывания копыт. Может, если сделать ещё глоток, то станет совсем хорошо?

Батя решительно отмерил себе ещё одну крышечку. Хлопья осадка, как и в первый раз, отцедил. Выпил. Снова замер, прислушиваясь к себе. Да, так и есть, самочувствие улучшалось именно от поила. И теперь, когда оно нормализовалось, пора бы покинуть, наконец, гостеприимный небоскрёб и отправиться дальше изучать мир, где командир оказался.

Собрав шарики и паутину обратно в чехол, Батя бережно закрутил крышкой бутылку с пойлом и бросил в сумку. Початую водку сначала хотел оставить, но в итоге решил взять и её – вдруг ещё придётся эти «виноградины» разводить.

На первый этаж комвзвода слетел, словно на крыльях. Из наполовину разграбленного им же автомата взял ещё шоколадок и воды, подошёл к вращающейся двери с выбитыми стёклами и долго стоял возле неё, прислушиваясь.

Вроде бы тихо, хотя ночью твари тут были – вон, мусорный бак разнесли, малолитражку на другой стороне улицы вскрыли. Но, похоже, Батю они не искали – так, прошли лоскут с небоскрёбами насквозь, спеша куда-то по своим делам. И то хорошо – пока он не раздобудет более подходящее, чем нож, оружие, тварям на глаза показываться не стоит.

Правда, где именно его взять, Батя пока понятия не имел.

Обратно на африканский лоскут он не пошёл, решив исследовать тот, что был западнее от небоскрёбов, и углубился в пересечения улиц. Миновав первый перекрёсток и оценив скученность построек, решил, что сделал правильный выбор. Застройка оказалась настолько плотной, что можно было в любой момент за две-три секунды заскочить внутрь ближайшего здания, чтоб, например, укрыться от опасности. А эхо, мечущееся среди стен, заранее подскажет о её приближении.

Спустя пару километров Бате довелось впервые проверить верность своих размышлений. В подъезд ещё одного небоскрёба, на этот раз жилого, он успел заскочить буквально за секунду

до того, как из-за поворота улицы выскочило несколько тварей. Дом был элитный, входная дверь оказалась выполнена из бронированного стекла, прозрачного изнутри и зеркального снаружи. Вот к нему-то Батя и прилип носом, разглядывая тварей.

Их насчитывалось одиннадцать штук. Две огромные, вроде той, из нароста которой он позаимствовал паутину и шарики. Пять поменьше, с выгнутыми в обратную сторону нижними конечностями, длинными, как у орангутана, верхними, и сплюснутыми по диагонали головами, отдалённо напоминающими формой витую раковину какого-нибудь моллюска. Правда, ассоциацию несколько портили челюсти с двумя рядами острейших треугольных зубов. Ещё одна тварь при каждом шаге цокала, словно была подкованной лошастью – именно этот звук и предупредил Батю об опасности. Рост остальных не превышал двух с половиной метров, и чем ниже они были, тем большее почему-то имели сходство с человеком.

Когда стая тварей, урча, пронеслась мимо, командир выдохнул и отодвинулся от стекла. Пожалуй, он подождёт минут пять, пока стая уйдёт подальше, и продолжит путь. А пока можно перекусить на скорую руку – организм требует втрое больше еды, чем обычно. Видимо, тратит её на заживление ран и восстановление сил.

Но планам не суждено было сбыться. Едва только Батя, усевшись прямо на пол у стены рядом с дверью, скинул с плеча сумку и принялся копаться в ней в поисках шоколадки, как из тёмной глубины подъезда раздалось урчание. И издавало его сразу несколько глоток...

Глава 5

Батя резко обернулся, одновременно выхватывая нож. Отшагнув обратно к двери, полуобернулся, пытаясь сквозь стекло увидеть, насколько далеко ушла стая крупных тварей, и выругался.

Стая не ушла. Она, наоборот, возвращалась – похоже, услышала урчание тварей внутри подъезда.

«Зовут они друг друга, что ли?» – мелькнула мысль и исчезла, уступая место отчаянной попытке найти выход из сложившейся ситуации.

Что же делать? Ломиться вглубь подъезда? Вряд ли получится, твари, наступающие оттуда, судя по силуэтам, вроде тех зомбаков, в которых превратились бойцы Бати, но их слишком много, чтобы справиться с ними в одиночку. Улица – тоже не вариант. Или?..

Комвзвода обернулся, прикидывая расстояние до дома напротив. Потом – до стаи. Шанс невелик, но...

Отбросив сомнения, Батя толкнул дверь и рванул поперёк улицы. За спиной заурчали недовольно, а сбоку – радостно. Но на опытного командира это подействовало не удручающе, а, скорее, как матюги тренера, пытающегося добиться от спортсмена лучшего результата.

Со спортом высших достижений у Бати не сложилось ещё в детстве – родители, побывав на одной из тренировок, ужаснулись как раз манере тренера постоянно орать на детей и сына из секции по боксу забрали. Они у Бати вообще были очень интеллигентные, надеялись, что сын вырастет и пойдёт по стопам отца, в науку. А Батя взял и всех удивил, поступив в военное училище. Затем удивил ещё раз, уйдя на службу в армию. Родители не сумели принять выбор сына и перестали с ним общаться – они всегда считали, что знают лучше, что ему нужно.

А Батя... Батя просто чувствовал, что обычная, как у всех, жизнь – она не для него. Ему хотелось подвигов, каких-нибудь свершений или, на крайний случай, хотя бы спортивных побед, возможностей для которых его лишили ещё в детстве. И он выбрал свой путь, раз – и навсегда.

Когда он перешёл из армии в «Сотню», инструктора, готовившие новичков, оказались зверями похлеще тренеров. Эти не просто давили на самолюбие и делали всё, чтоб добиться от ученика всего, на что тот способен. Они требовали попросту невозможного и не гнушались никакими методами, втапывая в грязь и мешая с дерьмом взрослых, давно уже состоявшихся мужиков.

Правда, на выходе эти же инструктора так крепко жали руки тем, кто выдержал их методы, что желание их поубивать у вчерашних учеников как-то само собой исчезло. А после первых боёв и вовсе сменилось чувством огромной благодарности и уважения.

Одно только воспоминание о первых днях в «Сотне» заставило Батю прибавить скорость до максимальной. Мышцы застонали от нагрузки, и организм, щедро насыщенный адреналином и кортизолом, привычно выдал невозможное. Батя успел заскочить в подъезд дома напротив за мгновение до того, как его едва не припечатала к асфальту огромная лапища с когтями. Щёлкнули, неосторожно задев козырёк над входом, зубы самой быстрой твари. Козырёк такого обхождения не выдержал и попросту развалился, перекушенный пополам, а тварь, сообразив, что добыча ушла, попыталась сунуть в дверной проём сначала морду, а потом, когда она не влезла, лапу.

Но Батя к этому времени был уже двумя этажами выше и не горел желанием останавливаться. На его счастье, лестница тут была отделена от площадок с квартирами ещё одной дверью, а крохотными окошками удачно выходила на противоположную сторону здания. Гарантий, что и тут он не натолкнётся на людей, ставших зомби, не было. Выбора, впрочем, тоже.

Бате повезло – этот дом, как и первый, на крыше которого он провёл две ночи подряд, оказался пустым. Но не таким высоким – всего десять этажей, – и с наглухо заваренным выходом на чердак. Батя дёрнулся было к двери, ведущей к квартирам, но остановился. Какой в этом смысл? Наверняка они закрыты, а владельцы превратились в зомби. Правда, там могут быть балконы, по которым Бате вполне под силу спуститься вниз и незаметно убраться подальше от осаждающей подъезд стаи.

Немного подумав, командир всё-таки решил проверить квартиры. Но предпочёл спуститься на четыре этажа ниже, чтоб облегчить свой возможный путь по балконам. Здесь все семь квартир, расположенных в ряд вдоль длинного узкого коридора, заставленного картонными коробками, самокатами и велосипедами, как и ожидалось, были заперты, причём из одной явственно слышалось слабое голодное урчание. Та же картина ожидала Батю и этажами ниже и выше.

Удача улыбнулась командиру только на предпоследнем, восьмом этаже. Дверь одной из квартир оказалась распахнута настежь. Взяв нож наизготовку, Батя двинулся внутрь, внимательно прислушиваясь, не раздастся ли приметное, словно бы на вдохе, урчание, чем-то похожее на кошачье мурлыканье, но уж точно не такое доброе.

В тёмной прихожей царил бардак. Под ногами сразу же захрустело стекло от сброшенной с тумбочки вазы. Батя беззвучно матюгнулся – в тишине этот звук был для него словно грохот. Но, кажется, живых в квартире не осталось – никто не выскочил на шум в надежде схарчить такого вкусного командира погибшего взвода. А вот мёртвые имелись – на кухне Батя обнаружил два пованивающих костяка, которые, судя по размерам, принадлежали детям. Третий лежал в спальне, прямо на изгвазданной кровью кровати.

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтоб понять, что тут произошло. Один из родителей обратился в зомби и напал на второго, который всё ещё оставался на тот момент человеком. Дети, услышав урчание и крики из родительской спальни, прибежали, увидели кошмарную картину и попытались спрятаться на кухне, но это их не спасло.

Даже имевшего неслабую психологическую закалку Батю эта ситуация поразила до глубины души. Он сразу представил на месте этих детей свою дочь, которой у него не было, но очень хотелось бы, чтоб была. Кошмарная смерть, такой даже врагу не пожелаешь. Да и последние минуты жизни – не лучше.

«Мля, – мысленно выругался комвзвода. – Куда я, итить его за ногу, попал? Уж не в Ад ли? Не в то ли Пекло, куда, по утверждению любой религии, попадают после смерти грешники? Но разве дети могут быть грешны?»

Сцепив зубы, Батя вернулся к осмотру квартиры. А закончив, снова прошёл на кухню и взялся за ручку стеклянной двери, ведущей на балкон.

Остальное было делом техники. Уцепившись за край, Батя нашёл ногами выступающую часть плиты, служившей балкону опорой, присел, ухватился за неё и аккуратно сполз на балкон ниже. Повторил действия ещё шесть раз и завис ногами в паре метров над разбитым под окнами дома газоном. Прицелился, разжал пальцы и беззвучно приземлился.

Оказался он во дворе-колодце, окружённом тремя сросшимися углами десятиэтажками, причём красивый фасад имела лишь та, из которой командир только что выбрался. Остальные выглядели неказистыми и обшарпанными – на их дизайне явно сильно сэкономили. Двор весь был засажен газоном, кое-где виднелись чахлые колючие кусты, и только в самом центре гордо возвышались три подгнившие, но всё ещё зелёные берёзы.

С четвёртой стороны двора был проход, над которым на высоте третьего этажа красовалась крытая галерея. Такая же точно виднелась и на пятом. Для чего они были сделаны, Батя не смог даже предположить, так что просто двинулся к проходу, до предела напрягая слух.

Урчание стаи сюда не доносилось. Может, ушли? Не-а, вряд ли. Скорее, просто не догадались, что добыча может свалиться таким неожиданным способом. Теперь выбраться бы из этого

двора, не привлекая к себе лишнего внимания. А там и из города. В смысле, из этого его куска, потому что город тут почти везде, за исключением всего нескольких лоскутов, включая африканский.

Возвращаться туда, где всё началось, Батя не стал. Двинулся напрямик в противоположную сторону, к лоскуту с очередными небоскрёбами, разве что сильно отличающимися по дизайну от тех, среди которых он находился. Чем больше лоскутов он сможет обследовать, тем лучше. К тому же, надо всё-таки поискать хоть какое-то оружие, а навскидку Батя мог предположить всего несколько вариантов, где его взять в нынешней ситуации: оружейный завод, военная часть или, как самое простое, полиция. Все эти учреждения располагаться могли только в городе, так что следовало их просто отыскать. Ещё остро стояла проблема еды и воды, и для её решения нужны были магазины. Которые, опять же, могли располагаться исключительно на городских лоскутах.

До края этого лоскута Батя добрался почти без приключений, если не считать ими ещё несколько стай, от которых удалось вовремя спрятаться то в ближайшем подъезде, то на подземной парковке под очередным небоскрёбом. Один раз командиру даже пришлось залезть в брошенный внедорожник и попросту закрыться изнутри, потому что эта стая, многочисленная и состоящая почти полностью из очень крупных особей, вынырнула из-за поворота дороги совершенно неожиданно, и времени искать лучшее укрытие не было.

Когда одна из тварей на бегу опустила свою когтистую лапу на капот и лобовое стекло, сминая и прорывая металл, словно фольгу, Батя приготовился умереть. Но тварь слишком спешила куда-то и, похоже, просто не обратила внимания на то, что внутри внедорожника сидит свежее и вкусное мясо.

Куда они все так резво намылились?

Этот вопрос Батю заинтересовал после встречи с пятой стаей, бегущей в ту же сторону, что и остальные. Ответ нашёлся быстро – выйдя на очередной перекрёсток, командир увидел вдалеке огромный столб поднимающегося к небу тумана.

Ага, значит, вот как эти твари так быстро появились возле крепости. Получается, они как-то чувствуют, когда над одним из лоскутов образуется туман, и собираются вокруг в ожидании, когда он спадёт, и на его месте появится новый лоскут.

Но уже с людьми, которых они жрут!

Эта догадка пришла Бате в голову неожиданно и многое расставила по местам. Хотя вопросов тоже добавила. Получается, туман действительно появляется над лоскутами с некоторой периодичностью – как Батя и предполагал. Люди, видимо, тоже, причём живые, здоровые и вкусные – иначе зачем бы тварям именно к лоскутам с туманом? Но как?

Батя едва удержал себя от опрометчивого шага – двинуться следом за стаей и отнаблюдать весь процесс вблизи собственными глазами. Нет, к такому определённо нужно подготовиться. Вооружиться, выяснить расписание, заранее, до появления тварей, засесть в удобном и безопасном месте с подготовленными отходами...

Нет, проверить подобную операцию ему придётся – хотя бы для того, чтоб понять, как тут всё устроено и можно ли выбраться. Но не сейчас, не сейчас...

Подавив любопытство, Батя зашагал в ту же сторону, куда шёл до этого, и вскоре оказался на стыке двух лоскутов. Асфальт тут немного не совпадал по высоте. Да и качество укладки тоже разнилось так, что было заметно невооружённым глазом. А вот здания походили друг на друга, словно однояйцевые близнецы. Но на одном лоскуте они сияли новизной, а на другом фасады несли на себе отчётливый след прожитых без капитального ремонта лет.

Интересно, как давно тут находится этот лоскут? Был ли он изначально таким или так поизносился за время, прошедшее с последнего появления тумана?

Достав карту, Батя быстро отыскал на ней соответствующий шестиугольник с цифрой, мелким почерком написал «Наблюдать!». И, убрав карту обратно в сумку, решительно перешагнул через стык.

Спустя двадцать минут он наткнулся на большой магазин с зелёной вывеской «Троечка». Немного поудивлялся схожести вывески с известным ему магазином «Семёрочка», потом усмехнулся – уж не по качеству ли товаров эти названия придумывают? Хотя нет, на семёрочку привычный ему супермаркет, где он затаривался едой между командировками в горячие точки, однозначно не тянул. Так, может, эта «Троечка» – просто какой-нибудь региональный филиал?

Как бы оно ни было, но ассортимент двух магазинов оказался схож процентов так на девяносто. Но если в «Семёрочке» Батя всегда расплачивался рублём, то в «Троечке» на ценниках почему-то значились японские йены. Может, это экспансия бизнеса в другие страны? Не, не похоже – надписи-то на родном русском, и вроде без грамматических ошибок. Скорее уж, магазин для русскоговорящих экспатов, переехавших в страну восходящего солнца и соскучившихся по привычным продуктам.

Электричества в магазине не было, но Батя уже догадался, что здесь это обычное явление – в квартире, где он обнаружил детские костяки, его тоже не было. Но зато имелись огромные панорамные окна с почему-то целыми стёклами, сквозь которые внутрь попадало достаточное количество света. Вооружившись стоящей у входа тележкой, командир направился в торговый зал.

Большая часть предлагаемой продукции уже была крепко испорчена. Хлеб покрылся толстым слоем мохнатой плесени, крупы и макароны, высыпавшиеся из пакетов, устилали кафель пола. К холодильникам с молочкой, мясом, рыбой и колбасами Батя даже приближаться не стал – и так понятно, что на этом лоскуте туман был уже давно, и всё, что требовало холода для хранения, в еду человеку, твёрдо намеревающемуся выжить, больше не годилось.

А вот разного рода консервы вполне для этого подходили при условии, что срок их годности не истёк. Но тут Батю поджидал ещё один сюрприз. Нет, срок годности был подходящий. А вот дата производства смущала, как никогда. А заодно – наводила на некоторые размышления и очередные догадки о том, что из себя представляет этот дивный новый мир.

Тушёнка, как свиная, так и говяжья, была произведена годом позднее той даты, когда Батя отправился в командировку в эту злополучную Африку. На консервированной фасоле и кукурузе дата уходила в будущее ещё на полгода.

Это что же, туман приносит лоскуты ещё и из разного времени? Звучит уж очень фантастично, но, похоже, придётся это принять, как факт – опровержений пока всё равно нет.

Смирившись с тем, что вокруг происходит ещё более лютая дичь, чем он считал ещё пять минут назад, Батя взялся за решение более насущной задачи – выяснение, а какой, собственно, был день, в который на этот лоскут пришёл туман. Задача оказалась простой – дата была выбита на кассовом чеке, валяющемся в мусорке возле кассы. Запомнив её, командир прошёл к витрине с куриными тушками и визуально оценил их состояние, примерно прикидывая срок, который они пролежали тут после разморозки. Что ж, похоже, что консервы вполне съедобны и будут таковыми ещё довольно долго.

Набив ими сумку, Батя доложил сверху две двухлитровых бутылки с водой и уж собрался было покинуть гостеприимную «Троечку», как заметил быстро шмыгнувшую под стеллаж крысу. И тут ему в голову пришла интересная мысль.

Отставив сумку в сторону, Батя вытащил из неё поллитровку с пойлом из «виноградины». Сходил в отдел с зоотоварами и вернулся с двумя кошачьими мисками. В одну накапал пойла вместе с хлопьями. В другую – процедил через салфетку. Поставил поближе к стеллажу, под которым спряталась крыса. Положил рядом «виноградину», «горошину» и одну из красных жемчужин и принялся ждать.

Крыса не выходила довольно долго, но терпения командиру взвода было не занимать. И вот, наконец, из-под нижней полки показалась сначала серая мордочка с шевелящимся носом, а затем крыса, решив, что опасности нет, вылезла полностью и деловито направилась к мискам. Сначала попробовала на зуб «виноградину», затем «горошину», но разгрызть их не смогла и за две ходки уволокла оба шарика в своё убежище. Потом вернулась, подбежала к миске, где было поило с хлопьями, встала на краешек передними лапками, принюхалась и, даже не попробовав, перебралась к другой миске. Здесь крыса уже ничего нюхать не стала, а принялась жадно лакать, и пила до тех пор, пока миска не опустела. Вылизала её, походила вокруг и, только убедившись, что добавки не будет, окончательно слиняла под стеллаж. Жемчужина грызуна не заинтересовала от слова «совсем».

Батя остался крайне доволен экспериментом. Судя по тому, что к миске с хлопьями крыса даже не притронулась, хотя отцеженный раствор вылакала до дна, он там, на крыше, всё сделал правильно. Правда, непонятно, почему крыса утащила целую «виноградину», в ней же тоже содержатся те хлопья. Может, они составляют её ядро, а поверхность вполне безопасна, и её можно просто аккуратно разгрызть? Или закинуть за щёку, а потом выплюнуть?

А «горошина» – она тоже обладает какими-то полезными свойствами, раз понадобилась грызуну? М-да, придётся, похоже, провести ещё несколько экспериментов.

Сходив за ещё одной бутылкой воды и по пути прихватив большую пачку салфеток, Батя сел за кассу, вылил воду и принялся отцеживать в опустевшую тару раствор. Закончив, сделал небольшой глоток, и голова, снова попытавшаяся было разболеться, притихла.

Интересные всё-таки свойства у местной фауны. Остаётся лишь надеяться, что хоть с флорой тут будет как-то... попривычнее...

Глава 6

С флорой тут было совсем плохо. Вернее, не с ней самой, а с её наличием. Что, в общем, не особо удивляло – откуда ей взяться в огромном, простирающемся от горизонта до горизонта мегаполисе. Фауна, напротив, поражала разнообразием форм и размеров. А ещё – количеством. Её представители встречались как стаями, включающими в себя от десяти и до полусотни тварей, так и поодиночке. Касаемо разнообразия, Батя насчитал минимум шесть разновидностей тварей, но был уверен, что на самом деле их окажется намного больше.

Кроме того, он заметил, что многие некрупные твари зачастую похожи на изменившихся людей, и это был ещё один кирпичик для понимания этого мира. Получается, что сразу после тумана люди превращаются в зомби, а потом начинают мутировать в монстров. Доказательств, что мысль верная, у Бати пока не было, но звучало логично – по крайней мере, по местным меркам.

Но тогда, соответственно, вставал другой вопрос, пожалуй, самый важный после «можно ли отсюда выбраться?». Почему сам Батя до сих пор сохранял разум и вроде как не менялся внешне. Прошло слишком мало времени? Для физических изменений, может, и так, но ведь мозгами его бойцы потекли буквально в течение часа. А он тут уже третий день бродит, и всё ещё в своём уме.

Кстати, крыса вроде как тоже вела себя обычно. Может, на животных этот туман не действует? Кто знает, кроме этой крысы, других животных Батя тут пока ещё не встретил. По крайней мере, живых.

...Больше ничего полезного на этом лоскуте не нашлось. Пройдя его насквозь и отметив на карте словом «Троечка», командир переместился на соседний, пока помеченный цифрой «десять». В общем, тут всё было примерно так же, как и на Троечке. Чуть отличались сами здания, дороги, разметка на них, шильдики на капотах разбитых и брошенных машин. И всё.

Стай тварей на этом лоскуте было поменьше, но всё равно примерно каждые полчаса-час Бате приходилось искать себе новое убежище и пережить, пока твари пройдут мимо.

Следующий лоскут, под номером «двадцать три», наконец-то оказался не особо похож на те, которые Батя уже миновал. Тут тоже стояли высотки, но не те, которые строились скупенно в крупных городах в надежде напихать туда побольше офисов для белых воротничков и эффективных менеджеров, а обычные, жилые. Между домами даже имелись некие подобию дворов с детскими площадками, крохотными, забитыми парковками и жухлыми от загазованного воздуха деревьями и кустами.

От вида этих домов Батю вдруг одолела ностальгия. Как же он соскучился по обычным спальным районам, тихим и спокойным. Ему вдруг показалось, что он провёл в этом странном месте не три дня, а долгие годы, и неожиданно оказался почти дома.

Впечатление, правда, портили костяки и вездесущий душок разложения – среди футуристических офисных небоскрёбов Батя не особо обращал на них внимание, но тут они настолько контрастировали с мирным окружением, что прямо-таки бросались в глаза.

Поскольку солнце уже клонилось к западу, Батя принял решение найти квартиру без человеческих останков и, забаррикадовавшись, провести в ней ночь – бродить по темноте категорически не хотелось. Выбор оказался богатый – почти все двери были распахнуты настежь, как будто хозяева покидали свои жилища в такой спешке и панике, что вообще не заботились об оставленном имуществе.

Выбор пал на однокомнатную квартиру на последнем, восьмом, этаже в доме-свечке, сложенном из нарядно-красного кирпича. Тут было относительно чисто, отсутствовали как человеческие останки, так и следы крови или хотя бы борьбы. Дверь квартиры оказалась современной, толстой, с хорошей звукоизоляцией, а кроме того, была оснащена ночной задвижкой,

что избавило Батю от необходимости искать ключи или двигать мебель, чтоб забаррикадироваться. А оконные стёкла были покрыты солнцезащитной плёнкой, делавшей их почти непрозрачными снаружи.

Полазив по шкафам, командир неожиданно для себя обнаружил довольно древнего вида рюкзак, растоптанные туристические ботинки, альпинистские кошки, набор карабинов, верёвок, ледоруб и маленькую газовую горелку с баллоном и специальной кастрюлькой. Желудок нетерпеливо заурчал, предвкушая горячее.

Батя, проверив, хорошо ли накручен баллон, попробовал горелку зажечь и радостно матюгнулся при виде появившегося огонька. Тут же наполнил кастрюльку водой из бутылки, достал две банки тушёнки из сумки. И, чтоб не тратить время на ожидание, принялся перекладывать содержимое сумки в рюкзак.

Вскоре в кастрюльке забулькало. Поставив вместо кастрюльки одну из банок тушёнки, Батя сходил на кухню и вернулся с упаковкой пакетированного чая, чашкой и пачкой найденных на полке над плитой галет. Несколько чайных пакетиков бросил в кастрюльку, предварительно оторвав ярлычки, и, не дожидаясь, пока разогреется тушёнка, захрустел галетами.

Снова сходил на кухню, принёс ложку и прихватку для горячего. Ножом вскрыл нагревшуюся банку, поставил на огонь вторую. Налил в чашку чая и принялся наворачивать тушёнку. Поужинав, взялся за карту. Внёс на неё ещё пометки о времени и местах появления тумана. Убрал. Погасил горелку. И завалился спать на хозяйской двуспальной кровати, предварительно закрыв дверь имевшегося в квартире балкона.

Проснулся Батя от пронзительного скрипа – словно ногтем по стеклу провели, – и громкого, близкого урчания. Вскочил и не сразу поверил в то, что видит по ту сторону окна.

Упёршись уродливым носом в стекло и водя по нему когтистыми лапами, на балконе сидела крупная тварь с головой, приплюснутой с одного бока.

«Моллюск! Как он сюда попал? – обливаясь холодным потом, подумал Батя, медленно сполз с кровати и, двигаясь как можно плавнее, отступил в глубину комнаты, поближе ко входу в прихожую. – С крыши? Или зашёл в подъезд и поднялся по лестнице?»

Как бы оно ни было, но уютная квартира из безопасного места в один миг превратилась в ловушку. Скорее всего, тварь пока не учуяла и, главное, не увидела Батю, иначе давно бы уже разнесла стекло и вломилась в квартиру. Медленно и плавно, обливаясь холодным потом, командир продолжил отступать в сторону прихожей – там, за углом, он окажется вне зоны видимости. Тварь всё это время медленно скребла когтями по стеклу, пробовала его языком и острыми, иглообразными зубами, но пока вела себя смирно.

Только оказавшись в прихожей Батя вдруг понял, что всё это время почти не дышал. Появление твари застало его врасплох, адреналин, который обычно наглухо уничтожал страх, выделился слишком поздно и слишком резко так что командира аж затрясло от осознания, что он только что едва не стал едой – совсем как его бойцы и те несчастные дети. Тихо подхватив по привычке собранный ещё с вечера рюкзак, Батя так же тихо обулся и выглянул в глазок на двери.

На лестничной клетке было слишком темно, так что ничего разглядеть не удалось. Батя плавно открыл дверь, готовясь к тому, что сейчас услышит уже привычное урчание и всё-таки окажется в зубах какой-нибудь твари. Но нет – пространство между квартирами было пустым.

Осторожно закрыв за собой дверь, командир спустился на три этажа и присел прямо на ступеньки. Устало прислонился к стене, но о том, чтоб задремать, не могло быть и речи. До самого утра Батя так и просидел в одной позе, слушая мерзкий скрип когтей, от которого по коже бежали мурашки, и утробное урчание других тварей, бродящих внизу, под балконом.

К рассвету всё, наконец, успокоилось. Твари ушли. Батя, глотнув пойла, чтоб успокоить вновь разболевшуюся голову (постоянно его теперь пить придётся, что ли?), и закусив последней шоколадкой, вновь отправился бродить по улицам.

Теперь он был ещё более осторожен, чем вчера. Безопасных мест в этом мире попросту не существовало, твари могли появиться когда угодно и откуда угодно. Для них в принципе не существовало преград, крупные спокойно и без видимых усилий раздирали кузова машин, железные двери, ворота подземных гаражей. От них можно было только спрятаться, но не убежать и, уж тем более, не принять бой. Мелкие, ещё сохранившие человеческий вид, были не так опасны сами по себе, но своим урчанием они привлекали крупняк – это Батя уже успел отнаблюдать.

Срочно, срочно надо разжиться каким-нибудь достаточно серьёзным оружием! Желательно – танком с усиленной бронёй, тридцатимиллиметровой пушкой и крупнокалиберным пулемётом. Хотя какая, к чёртовой матери, броня, той крупной твари, сожравшей водителя-механика Севу, она помешала не больше, чем фольга! Но всё равно, с танком как-то лучше, чем без него.

Вздыхнув, Батя усилием воли вернул мысли в рациональное русло. Танка у него нет и не предвидится – где его в этом громадном мегаполисе взять? Только если вернуться к крепости, но и там ловить нечего – все три боевые машины, имевшиеся у его взвода, превратились в горы бесполезного металлолома. Да и смысл в нём против целой стаи? Одну тварь завалить, может, и получится, а остальные в это время сам танк разделают и Батю радостно схарчат. Так что тактику выживания всё-таки придётся пока выстраивать на скрытности и манёвренности. Она, правда, тоже не без нюансов, как выяснилось ночью, но пока даёт вполне неплохой результат.

Можно его как-нибудь улучшить?

Подумав немного, Батя вытащил из рюкзака один из чистых, слегка помятых бумажных листов, карандаш, и принялся писать список того, чем ему предстояло разжиться.

Первым делом пришлось вернуться на Троечку, в супермаркет. Там Батя, взяв тележку, набрал банок с молотым красным и чёрным перцем, взял четыре дешёвых флисовых пледа серой расцветки и махровое полотенце. Из-под кассы прихватил пачку полиэтиленовых пакетов с красно-зелёной цифрой «три». Пледы и большую часть банок сразу упаковал в рюкзак. Пакеты повесил на ручку тележки. Одну банку перца щедро рассыпал у двери супермаркета. Полотенцем плотно обмотал нижнюю часть лица. И направился в мясной отдел.

Из-под стеллажа с крупами выглянула крыса, пошевелила носом, проводила Батю настороженным взглядом чёрных глаз-бусинок и, возмущённо пискнув, юркнула обратно в укрытие.

– Правильно, – глухо одобрил Батя из-под полотенца. – Тут сейчас такой запашок будет – закачаешься.

Холодильник с непрезентабельного вида куриными тушками, благо, упакованными в целлофан, комвзвода выбирал очень тщательно. А выбрав, глубоко вдохнул, задержал дыхание и решительно сдвинул стеклянную дверцу вбок.

Амбрэ оказалось настолько крепким, что даже ко многому привычный Батя вынужден был отшатнуться и несколько раз сглотнуть, сдерживая позывы моментально сошедшего с ума желудка. Пришлось даже отойти на несколько метров, чтоб хоть немного продышаться. Но при следующей попытке приблизиться приступ тошноты повторился.

Снова отступив, Батя взял банку с перцем и, высыпав содержимое на ладонь, щедро намазал им полотенце с наружной стороны. Глаза сразу же защипало, но зато полегчало желудку. И командир решился на третью попытку.

На этот раз удалось приблизиться к витрине с тухляком. Расправив один из пакетов, Батя вывернул его наизнанку и им же брезгливо ухватил упаковку тухлой курицы. Сразу же завязал узлом ручки и запихнул этот пакет в ещё один. Внутрь второго насыпал перца. Снова завязал.

Повторил действия с ещё одной тушкой. Захлопнул холодильник и опрометью бросился прочь из магазина.

На выходе его встретила недовольная крыса.

– Ты уж извини, – сквозь полотенце пробурчал Батя. – Ничего, скоро проветрится. Правда, твари могут набежать на вонь, так что спрячься от греха подальше.

И тут командиру в голову пришла идея.

– Слушай, а может, со мной пойдёшь? У меня пойло из «виноградин» есть. Назову тебя Лариской, как в мультике...

Крыса, презрительно пискнув, шмыгнула обратно в супермаркет. А Батя, пожав плечами, отправился своей дорогой – в принципе, именно такой реакции от грызуна он и ожидал. Но всё равно было немного обидно – крыса казалась отличным объектом для дальнейших экспериментов с добытыми из той твари шариками.

Соблюдая максимальную осторожность, Батя перебрался на соседний лоскут. Вытащил обе тушки из пакетов – на свежем воздухе вонь от них уже не казалась настолько ужасной, сливаясь с душком разложения, который в принципе был тут повсюду, и к которому комвзвода давно уже претерпелся.

Одну тушку Батя освободил от упаковки, вывалил на неё содержимое сразу десяти банок с перцем и бросил в приметный мусорный бак. Вторую отнёс метров на тридцать дальше, тоже вскрыл, но посыпать не стал. И метнулся к ближайшему подъезду, услышав далёкое пока ещё урчание.

Твари не заставили себя долго ждать, подтвердив предположение о хорошем нюхе. На вонь тухлого мяса явились целых трое – два полуголых зомби и монстр покрупнее, с гипертрофированно раздутой челюстью, лысой серой башкой и длинными руками, делавшими его похожим на гориллу. Увидев непроперчённую тушку, зомби радостно заурчали и попытались было броситься к ней.

Гориллу такая торопливость не устроила, поэтому первый зомби, без штанов, в замызганных обрывках белой некогда рубашки и одном ботинке, успев сделать только один шаг, полетел в воздух, получив удар когтистой лапой, и рухнул неподалёку. Завозился, поднимаясь. Второй, обиженно урча, вспомнил про субординацию и остановился. Горилла первой прошествовала к тушке и принялась её жрать.

Много времени пиршество не заняло – куриная тушка оказалась серокожей твари на один укус. Зажевав валявшийся рядом целлофан в качестве закуски, горилла потянула носом воздух, замерла на секунду и неспешно отправилась восвояси. Оба зомби, упав на четвереньки, быстро вылизали асфальт, на котором лежала тушка, и отправились за своим предводителем.

Проходя мимо бака с ещё одной тушкой, горилла потянула носом воздух и замедлилась. Покрутила головой, принюхиваясь, неуверенно шагнула ближе к баку. Батя, наблюдая за ней из подъезда, едва сдержал разочарованный вздох – унюхала, самка собаки!

Но горилла, покрутившись несколько минут вокруг бака, внутрь всё-таки не полезла. Толкнула его лапой, разочарованно уркнула и, потеряв интерес, отвернулась.

Вскоре тварь и сопровождавшие её зомби скрылись за углом. Их урчание ещё слышалось некоторое время, но как только оно затихло, Батя рискнул выйти из своего укрытия. Крадучись и постоянно прислушиваясь, прокрался к баку, заглянул внутрь и отшатнулся, только уже не от запаха тухлятины, а от ударивших в нос специй.

Работает!

Комвзвода возликовал. Конечно, к тому, что он теперь постоянно будет пахнуть перцами, надо будет ещё привыкнуть. Может быть, даже найти где-нибудь аптеку и запастись каплями для слезящихся от острого аромата глаз. Но это уж точно лучше, чем превратиться в жрачку для тварей только потому, что пахнешь свежим, ароматным мясом. А так, если им на глаза не попадаться, может, и пронесёт.

Обрадованный Батя, тут же обсыпавшись остатками перца, поспешил обратно на Троечку. Но тут его ждало разочарование – в супермаркете, привлечённые вонью из холодильника, хозяйничали твари. Через порог выбитой двери, обсыпанный перцем, они не пошли, попросту

выбив стекло одной из витрин. К возвращению комвзвода магазин они уже покинули, но надеяться на то, что перец удастся найти в том хаосе, который твари устроили, не приходилось.

Из-за спины раздался тихий писк, заставив Батю вздрогнуть и резко обернуться. Затаившись под квадратной бетонной клумбой с высохшими цветами, на него с осуждением смотрела крыса из «Троечки».

– Что? – возмутился Батя. – Мне откуда было знать, я третий день тут. И вообще, я предлагал пойти со мной!

Крыса вместо ответа фыркнула.

– Ну на вот тебе вместо извинений, – смягчился Батя и, скинув рюкзак, достал одну «виноградину». – Простишь?

Из рук крыса брать дань не захотела, так что командиру пришлось положить «виноградину» на асфальт. Крыса, шустро подбежав, обнюхала её, с четвёртой попытки ухватила зубами и потащила обратно в сторону супермаркета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.